

Генри Хаггард

Братья

Генри Райдер Хаггард
Братья

«Public Domain»

1904

Хаггард Г.

Братья / Г. Хаггард — «Public Domain», 1904

«Салах ад-Дин, повелитель верных, султан, сильный в помощи, властитель Востока, сидел ночью в своем дамасском дворце и размышлял о чудесных путях Господа, Который вознес его на высоту. Султан вспомнил, как в те дни, когда он был еще малым в глазах людей, Нур ад-Дин, властитель Сирии, приказал ему сопровождать своего дядю, Ширкуха, в Египет, куда он и двинулся, как бы ведомый на смерть, и как, против собственной воли, он достиг там величия. Он подумал о своем отце, мудром Айюбе, о сверстниках-братьях, из которых умерли все, за исключением одного, и о любимой сестре. Больше всего он думал о ней, Зобейде, сестре, увезенной рыцарем, которого она полюбила, полюбила до готовности погубить свою душу; да, о сестре, украденной англичанином, другом его юности, пленником его отца, сэром Эндрью д'Арси. Увлеченный любовью, этот франк нанес тяжкое оскорбление ему и его дому. Салах ад-Дин тогда поклялся вернуть Зобейду из Англии, он составил план убить ее мужа и захватить ее, но, подготовив все, узнал, что она умерла. После нее осталась малютка – по крайней мере, так ему донесли его шпионы, и он счел, что если дочь Зобейды была жива, она теперь стала взрослой девушкой. Со странной настойчивостью его мысль все время возвращалась к незнакомой племяннице, своей ближайшей родственнице, хотя в жилах ее и текла наполовину английская кровь...» Книга также выходила под названием «Принцесса Баальбека».

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
I. В волнах бухты Смерти	8
II. Сэр Эндрью д'Арси	15
III. Посвящение в рыцари	20
IV. Продавец вина	33
V. Рождественский праздник в Стипле	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Генри Хаггард Братья

* * *

Пролог

Салах ад-Дин, повелитель верных, султан, сильный в помощи, властитель Востока, сидел ночью в своем дамасском дворце и размышлял о чудесных путях Господа, Который вознес его на высоту. Султан вспомнил, как в те дни, когда он был еще малым в глазах людей, Нур ад-Дин, властитель Сирии, приказал ему сопровождать своего дядю, Ширкуха, в Египет, куда он и двинулся, как бы ведомый на смерть, и как, против собственной воли, он достиг там величия. Он подумал о своем отце, мудром Айюбе, о сверстниках-братьях, из которых умерли все, за исключением одного, и о любимой сестре. Больше всего он думал о ней, Зобейде, сестре, увезенной рыцарем, которого она полюбила, полюбила до готовности погубить свою душу; да, о сестре, украденной англичанином, другом его юности, пленником его отца, сэром Эндрью д'Арси. Увлеченный любовью, этот франк нанес тяжкое оскорбление ему и его дому. Салах ад-Дин тогда поклялся вернуть Зобейду из Англии, он составил план убить ее мужа и захватить ее, но, подготовив все, узнал, что она умерла. После нее осталась малютка – по крайней мере, так ему донесли его шпионы, и он счел, что если дочь Зобейды была жива, она теперь стала взрослой девушкой. Со странной настойчивостью его мысль все время возвращалась к незнакомой племяннице, своей ближайшей родственнице, хотя в жилах ее и текла наполовину английская кровь.

От далеких, полузабытых воспоминаний мысли султана перенеслись к бедствиям, к потокам крови, среди которых протекли его дни, к последней борьбе между последователями пророков Иисуса и Магомета, к будущему Джихаду – священной войне, к которой готовился он. Тут Салах ад-Дин вздохнул, потому что был милосерден и не любил кровопролитий, хотя жестокая религия вовлекала его то в одну, то в другую войну.

Салах ад-Дин заснул и увидел во сне мир. В грезах какая-то девушка подошла к нему и подняла свое покрывало; перед ним стояла красавица, с чертами лица, походившими на его собственные, только более красивыми, и он узнал в ней дочь своей сестры, бежавшей с английским рыцарем. Он удивился, почему она явилась к нему, и во сне попросил Аллаха объяснить ему это. Тогда он вдруг увидел, что та же самая девушка стоит в долине в Сирии, а по обе стороны от нее виднеются бесчисленные орды сарацин и франков, и он знает, что тысячи и десятки тысяч этих людей обречены на смерть. Что это? Он, Салах ад-Дин, с обнаженной саблей выезжает перед войском, но красавица подняла руку и остановила его.

– Что ты делаешь здесь, племянница? – спросил он.

– Я пришла, чтобы с твоей помощью спасти многие жизни, – ответила она, – для этого я была рождена от твоей крови, для этого я и послана к тебе. Опусти оружие, султан, и пощади их.

– Скажи же, девушка, какой выкуп ты дашь за спасение этой толпы? Какой выкуп и какой дар?

– Выкуп – моя собственная кровь, которую добровольно отдаю, дар Божий – мир твоей грешной душе, о султан!

И, протянув руку, она наклонила его наточенную саблю, и острие оружия дотронулось до ее груди.

Салах ад-Дин проснулся; странный сон изумил его, но он ни словом не обмолвился об этом. На следующую ночь повторились те же грезы, и воспоминание о сновидении не оставляло его целый день, но он опять никому ничего не сказал.

Когда же в третью ночь тот же сон приснился ему еще живее, он решил, что сам Бог послал ему это видение, потребовал к себе своих мулл и снотолкователей и стал держать с ними совет. Выслушав его, помолившись и поговорив между собой, они ответствовали:

– О султан, вызвав тени, Аллах предупредил тебя, что девушка, твоя племянница, живущая далеко в Англии, благородством души и самопожертвованием в неопределенном будущем избавит тебя от пролития целого моря крови и принесет стране покой. Поэтому привлекли ее к своему двору, постоянно держи при себе, так как, если она покинет тебя, мир уйдет вместе с ней.

Салах ад-Дин признал это толкование сна мудрым и истинным, потому что он и сам так понял свои грезы. Потом потребовал к себе одного предателя-рыцаря, носившего на груди крест, но втайне принявшего Коран, своего франкского шпиона, приехавшего из той страны, в которой жила дочь Зобейды, и расспросил его о ней самой, о ее отце и о доме. С ним, а также с другим своим разведчиком, считавшимся христианским пилигримом, и с принцем Хасаном, одним из величайших и самых доверенных его эмиров, Салах ад-Дин составил хитрый план захватить девушку в плен, если бы она не согласилась добровольно приехать в Сирию.

Кроме того, желая, чтобы положение дочери его сестры было достойно ее высокого происхождения и судьбы, он указом возвел никогда не виденную им племянницу в сан принцессы Баальбекской, сделав ее владелицей обширных земель, которыми ранее правили ее дед Айюб и ее дядя Изеддин. Он снарядил могучую военную галеру, посадил на нее отряд опытных моряков и отборных воинов, отдав их под команду принца Хасана, написал письмо английскому лорду сэру Эндрью д'Арси и его дочери и приготовил для нее королевский подарок. Он приказал своим посланцам постараться уговорить девушку уехать в Сирию, а если это не удастся, – захватить ее силой или хитростью, но прибавил, что без нее никто не может осмелиться снова взглянуть ему в лицо. В Англию он послал также двоих франкских шпионов, знавших место, где жила знатная девушка; один из них, предатель-рыцарь, был опытным моряком и капитаном корабля.

Вот что сделал Салах ад-Дин и стал терпеливо ждать, чтобы Аллах пожелал исполнить видение, которым Он во сне заполнил его душу.

Часть первая

І. В волнах бухты Смерти

С гребня старинной стены на эссекском берегу Розамунда, обратив лицо к востоку, смотрела на океан. Справа и слева, но немного позади нее, точно стражи при своей госпоже, стояли ее двоюродные братья-близнецы Годвин и Вульф, высокие статные молодые люди. Красивы были они, полным расцветом молодости и здоровья сияли все трое: царственная Розамунда с темными волосами и глазами, со смуглой кожей, с тонким станом, державшая в руке букет желтых луговых цветов; бледный стройный Годвин с задумчивым лицом и воинственный Вульф с мужественным челом и с синими глазами – саксонец до кончиков ногтей, несмотря на нормандскую кровь своего отца. Слегка опирающийся на рукоятку длинного, спрятанного в ножны меча Годвин был неподвижен, как статуя. Брат же его, Вульф, заметно томился бездействием и наконец громко зевнул.

Услышав неприкрытый зевок, Розамунда с медлительной грацией, которой отличались все ее движения, повернула голову.

– Неужели вы уже хотите спать, Вульф, хотя солнце еще не зашло? – спросила она своим бархатным низким голосом, который благодаря чужеземному акценту казался непохожим на все остальные женские голоса.

– Кажется, да, Розамунда, – ответил он. – Сон помог бы скоротать время. Ведь теперь, когда вы перестали собирать желтые цветы, за которыми мы приехали издалека, оно тянется слишком долго.

– Стыдитесь, Вульф, – улыбнулась она. – Посмотрите на море и на небо, на эту чудную пелену, сверкающую золотом и пурпуром.

– Я пристально смотрел на нее с полчаса, кузина Розамунда, а также на вашу спину, на левую руку Годвина и на его профиль, смотрел так долго, что мне, право, представилось, будто я стою на коленях в аббатстве Стоунгейт и рассматриваю каменное изображение своего отца, в то время как приор Джон служит мессу. Если поставить статую на ноги, увидишь Годвина: та же поза рыцаря, опирающегося на рукоятку меча, то же холодное молчаливое лицо с глазами, поднятыми к небу.

– Да, это Годвин, каким он будет когда-нибудь, если святые позволят ему совершить такие же деяния, какие были предопределены нашему отцу, – прервал его брат.

Вульф посмотрел на него, и странное вдохновение вдруг блеснуло в его синих глазах.

– Нет, я думаю, ты будешь не таким, – произнес он. – Может быть, ты совершишь не меньшие подвиги и даже более великие, но, конечно, в последний раз ты ляжешь облаченный не в кольчугу, а в монашескую рясу, если только женщина не помешает тебе пойти по этой кратчайшей дороге к небесам. Скажите же мне, о чем думаете вы оба. Я спрашивал себя об этом, и мне любопытно узнать, насколько далеко я был от истины. Говорите первая вы, Розамунда. Ну, конечно, не всю правду – мысли девушки принадлежат только ей; поделитесь лишь тем, что считаете возможным открыть.

Розамунда вздохнула:

– Я... я думала о Востоке, где вечно светит солнце, где небо голубое, как камни на моем поясе, а умы людей полны странной ученостью.

– И где женщины – рабыни мужчин, – как бы продолжил ее слова Вульф. – Однако естественно, что вы думали о Востоке, ведь в ваших жилах течет отчасти восточная кровь, и кровь очень благородная, если рассказывают правду. Скажите, принцесса... – и он с легкой иронией преклонил перед ней колено, хотя эта насмешка не могла скрыть его глубокого почтения. –

Скажите, принцесса, моя кузина, внучка Айюба и племянница могучего монарха Салах ад-Дина, не желаете ли вы покинуть нашу бедную страну и осмотреть свои владения в Египте и Сирии?

Она выслушала его, и ее глаза загорелись пламенем, статная фигура выпрямилась, грудь высоко поднялась от волнения, а тонкие ноздри расширились, точно вдыхая знакомый сладкий аромат. В эту минуту Розамунда казалась еще большей красавицей, чем всегда. На вопрос кузена она ответила вопросом:

– А как, Вульф, встретят там меня, нормандку д'Арси и христианку...

– Первое они вам простят, потому что ваша нормандская кровь совсем уж не так дурна, что же касается до второго... Ну, ведь веру можно и переменить.

Теперь в разговор впервые вступил Годвин.

– Вульф, Вульф, – сурово произнес он, – следи за тем, что болтает твой язык, потому что некоторых вещей нельзя говорить даже в виде глупой шутки. Видишь ли, я люблю нашу двоюродную сестру больше, чем кого бы то ни было на земле...

– По крайней мере, в этом отношении мы сходимся, – перебил его Вульф.

– Больше, чем кого бы то ни было на земле, – повторил Годвин, – но, клянусь святой кровью и святым Петром, близ церкви которого мы стоим, я убил бы ее собственной рукой раньше, чем ее губы коснулись бы книги ложного пророка.

– Вы понимаете, Розамунда, – насмешливо обратился к ней Вульф, – что вам нужно быть осторожней, Годвин всегда держит данное слово, а такая смерть была бы жалким концом для существа высокого рождения, одаренного большой красотой и умом.

– О, перестаньте насмехаться, Вульф, – заметила молодая девушка, касаясь его туники, под которой скрывалась кольчуга. – Перестаньте смеяться и попросите святого Чеда, строителя этой церкви, чтобы ни мне, ни вашему любимому брату, который действительно хорошо поступил бы, убив меня в подобном случае, не представилось такого ужасного выбора.

– Ну, если бы это случилось, – воскликнул Вульф, и его красивое лицо вспыхнуло, – я думаю, мы знали бы, как поступать. Впрочем, разве уж так трудно сделать выбор между смертью и долгом?

– Не знаю, – ответила она, – часто жертва кажется легкой, пока смотришь на нее издали...

А потом ведь иногда теряешь именно то, что дороже жизни...

– Что именно? Вы говорите о землях, богатстве или... любви?

– Скажите, – изменила тон Розамунда, – что там за лодка идет в устье реки? Некоторое время тому назад она не двигалась, весла были подняты, казалось, пловцы наблюдали за нами.

– Рыбаки, – беспечно отмахнулся Вульф. – Я видел их сети.

– Да, но под сетями что-то ярко блестело, точно мечи.

И хотя Розамунда не казалась успокоенной, он продолжал:

– Ну, а о чем думал Годвин?

– Если тебе угодно знать это, брат, я тоже думал о Востоке и о восточных войнах.

– Они не принесли нам большого счастья, – промолвил Вульф.

– Ведь наш отец был убит там, и сюда вернулось только его сердце, которое лежит в Стоунгейте.

– Разве он мог бы умереть лучшей смертью, – спросил Годвин, – нежели сражаясь за крест Христов? Разве о его кончине не рассказывают до сих пор? Клянусь Богоматерью, я молю Бога, чтобы Он послал мне хотя бы вполчину такой же славный конец!

– Да, он умер хорошо, – согласился Вульф, и его синие глаза блеснули, а рука потянулась к мечу. – Но, брат, в Иерусалиме такой же мир, как и в Эссексе.

– Мир? Да, но вскоре на Востоке снова вспыхнет война. Монах Петр, тот, которого мы видели в прошедшую субботу в Стоунгейте и который покинул Сирию шесть месяцев тому назад, сказал мне, что дело быстро движется к этому. Уже и теперь султан Салах ад-Дин, засе-

ший в своем Дамаске, отовсюду созывает войска, а его муллы и имамы призывают племена Востока и восточных баронов к войне. И неужели, брат, если начнется борьба за крест, мы не примем в ней участия, как наши деды, отцы, дядя и столько членов нашего рода? Неужели останемся прозябать здесь, в этой тусклой стране, как прозябали по желанию нашего дяди многие годы, со дня возвращения из Шотландии, неужели будем считать наш скот, возделывать пахотные поля, как крестьяне, зная, что в это время развеваются знамена, люди, равные нам, бьются с язычниками и алая кровь орошает святые пески Палестины!

Душа Вульфа тотчас же отозвалась на эти слова.

– Клянусь Богоматерью на небе и нашей дамой на земле, – произнес он, взглянув на Розамунду, которая смотрела на братьев спокойным задумчивым взглядом, – иди на войну, когда тебе вздумается, Годвин, я тоже пойду с тобой, и, как мы родились в один и тот же час, так пусть и умрем в одну и ту же минуту.

Его рука, игравшая мечом, быстро обнажила длинное тонкое лезвие и высоко подняла его, сталь вспыхнула в луче солнца, и Вульф голосом, который заставил диких птиц тучей подняться с воды, повторил старинный боевой клич д'Арси, звучавший на стольких полях битв: «Д'Арси, д'Арси! Против д'Арси – против смерти!» Потом он спрятал меч в ножны и прибавил смущенным тоном:

– Разве мы дети, что бьемся там, где нет врагов? А все же, брат, хотелось бы поскорее встретиться с неприятелем!

Годвин мрачно улыбнулся, но ничего не ответил, зато Розамунда сказала:

– Значит, кузены, вы хотели бы уехать, чтобы, может быть, не вернуться больше? И разлучиться со мной! Но, – ее голос вдруг зазвучал немного тише, – таков удел женщины, мужчина любит обнаженный меч больше всего. Впрочем, будь иначе, я думала бы о вас хуже. А между тем, не знаю почему, – и она слегка вздрогнула, – я сердцем чувствую, что Небо часто исполняет такие молитвы. О, Вульф, сейчас в свете заката ваш меч казался окровавленным. Я говорю, что он казался очень красным. Мне страшно, я сама не знаю от чего. Ну, поедем, ведь до Стипля девять миль, а скоро стемнеет. Только прежде, братья, пойдем в церковь и помолимся святому Петру и святому Чеду, чтобы они охраняли нас в пути.

– В пути? – удивился Вульф. – Чего вы можете бояться во время девятимильной поездки по берегу Черной реки?

– Я говорила о пути, Вульф, который окончится не в Стипле, а там. – И она подняла руку, указывая на темневшее небо.

– Прекрасный ответ, – с одобрением произнес Годвин, – особенно хорошо звучит он здесь, в этом старинном месте, откуда столько людей отправилось на покой: множество римлян, которые умерли, когда эти стены были их крепостью, саксонцев, явившихся после них, и еще многих, многих... без счета.

Они вошли в старинную церковь, – один из первых храмов, выстроенных в Британии, – сложенную из римских глыб руками Чеда, саксонского святого, который жил более чем за сто лет до дней Розамунды и ее двоюродных братьев. Все трое опустили на колени перед простым алтарем, молодые люди и Розамунда помолились каждый о своем, потом перекрестились и пошли к лошадям, привязанным под соседним навесом.

В Стиплъ шли две дороги, вернее, две тропинки: одна уходила на милю в глубь страны и вела через деревню Бредуэл, другая, более короткая, бежала по берегу Сальтингса в полосе воды, известной под именем бухты Смерти; ехавшему в Стиплъ этой дорогой приходилось повернуть от залива, оставить справа аббатство Стоунгейт. Братья-близнецы и Розамунда выбрали последний путь, потому что во время отлива он был удобен для лошадей. Им также хотелось вернуться домой к ужину, чтобы старый рыцарь сэр Эндрью д'Арси, отец Розамунды и дядя близнецов, не имевших ни отца, ни матери, не стал тревожиться и, чего доброго, не выехал бы отыскивать их.

Молодая девушка и ее двоюродные братья ехали на отличных лошадях. Большой серый конь Розамунды, подарок ее отца, славился в окрестностях быстротой, силой и таким послушанием, что любой ребенок мог ездить на нем; тяжелые, прекрасно выезженные боевые кони Годвина и Вульфа были приучены стоять там, где их оставили, бросаться вперед, когда этого требовали их седоки, не страшась ни криков людских, ни сверкающей стали. С полчаса или больше они двигались по берегу Сальтингса, почти не разговаривая, тишина прерывалась только криками морских птиц да плеском волн. Нигде не виднелось ни одного человеческого существа: это было унылое место, и только рыбаки время от времени наведывались сюда. Как раз в ту минуту, когда солнце уже стало погружаться в море, трое д'Арси подъехали к берегу бухты Смерти; вдававшаяся в сушу во время прилива мили на две, она постепенно сужалась, но в основании достигала приблизительно трех ярдов ¹ ширины.

Примерно в семидесяти ярдах от берега бухты Смерти и параллельно ему тянулась коса земли, покрытая кустами и немногими редкими дубами. Она выходила в Сальтингс, и ее мыс кончался тропинкой, по которой ехали д'Арси. В промежутке между косой и берегом бухты Смерти дорога сворачивала к холмам. Этот старинный путь был проложен римлянами или другими давно умершими строителями и подводил к возведенному ими узкому молу длиной ярдов в пятьдесят и сложенному из неотесанного камня в воде бухты, вероятно, для удобства рыбацких лодок, которые могли стоять вдоль этой насыпи даже во время отлива. Мол сильно пострадал, в течение столетий волны размывали его, и теперь конец насыпи лежал под водой, часть же, примыкавшая к суше, хорошо сохранилась и была достаточно высока. Когда всадники проезжали через маленькую возвышенность в конце покрытой лесом косы, быстрые глаза Вульфа, который двигался впереди всех (здесь тропинка шла по болоту и была так узка, что пришлось ехать гуськом), заметили большую пустую рыбацкую лодку, привязанную к железному кольцу в стенке мола.

– Ваши рыбаки высадились, Розамунда, – обратился он к девушке, – и, конечно, отправились в Бредуэл.

– Странно, – с беспокойством заметила она, – сюда никогда не приезжают рыбаки, – Розамунда остановила свою лошадь, точно собиралась повернуть ее.

– Так это или нет, но они ушли, – произнес Годвин, наклоняясь вперед, чтобы оглядеться, – во всяком случае, нам нечего бояться пустой лодки, поедem же дальше.

Они без труда достигли каменной насыпи, или мола, но в этом месте какой-то шум, раздавшийся позади, заставил оглянуться всех троих. Д'Арси увидели картину, от которой кровь прилила им к сердцу. На узкую тропинку один за другим вышли человек восемь с обнаженными мечами в руках; у всех, как заметили путники, лица были закрыты закрепленными под шлемами или кожаными шапками полотняными полосами с прорезями для глаз.

– Засада, засада! – крикнул Вульф, обнажая меч. – Скорее за мной, на дорогу в Бредуэл! – И он пришпорил лошадь. Конь бросился вперед, но в следующее мгновение сильная рука заставила его присесть. – Помилуй Бог, – вскрикнул Вульф, – тут еще!

И действительно, другой отряд воинов с оружием и с закрытыми лицами выбежал на бредуэлскую тропинку; во главе их виднелся плотный человек, по-видимому вооруженный только длинным кривым ножом, висевшим на его поясе, и одетый в ценную кольчугу, которая проглядывала через открывшуюся тунику.

– К лодке! – воскликнул Годвин, но, услышав это, толстый человек засмеялся пронзительным смехом. Даже в эту минуту все трое расслышали его.

Они поехали по молу, потому что им некуда было больше свернуть – обе дороги преграждали враги. Когда они подъехали к лодке, им стало понятно, почему смеялся плотный

---

¹ Ярд – английская мера длины, равная приблизительно 91 см.

воин: она стояла на тяжелой цепи, которую нельзя было перерубить, кроме того, парус и весла исчезли из нее.

– Плывите в ней, – прозвучал голос одного из спутников толстяка, – или, по крайней мере, пусть ваша дама войдет в нее, тогда нам не придется нести ее в ладью...

От лица Розамунды отхлынула кровь, Вульф то вспыхивал, то бледнел, его рука сжимала меч. Годвин, спокойный, как всегда, проехал несколько шагов вперед и произнес:

– Скажите, чего вы хотите от нас? Денег? У нас их нет, с нами только лошади и оружие, но и то и другое будет дорого стоить вам.

Человек с кривым ножом вышел немного вперед в сопровождении высокого гибкого слуги или оруженосца, которому шепнул несколько слов на ухо.

– Мой господин находит, – ответил высокий воин, – что у вас есть нечто драгоценнее королевского золота – красавица, которую с нетерпением ждут в одном месте. Отдайте ее нам, а потом уезжайте на своих конях и со своим оружием, вы – храбрые молодые люди, и мы не желаем пролить вашу кровь.

Теперь наступила очередь братьев рассмеяться, и они действительно расхохотались в один голос.

– Отдать вам ее? – возмущенно переспросил Годвин. – И с бесчестьем продолжить наш путь? Хорошо, мы отдадим ее с нашим последним вздохом, но не раньше. Куда же вы хотите отвезти леди Розамунду?

Те снова зашептались.

– По словам моего господина, – послышался ответ, – всякий, кто ее видит, поддается очарованию, но особенно ее ждут в доме рыцаря Лозеля.

– Рыцарь Лозель! – прошептала Розамунда и побледнела еще сильнее.

Этот Лозель был очень могущественным человеком и уроженцем Эссекса. Он владел кораблями, о его «подвигах» на море и на Востоке рассказывали нехорошие вещи. Он однажды просил руки Розамунды и, получив отказ, наговорил таких угроз, что Годвин, как старший из близнецов, вызвал его на бой, бился с ним и ранил его. После этого Лозель исчез неизвестно куда.

– Значит, сэр Гуго Лозель среди вас? – спросил Годвин. – И замаскирован, как все вы, обыкновенные трусы? Если так, я желаю встретиться с ним лицом к лицу и докончить дело, которое начал в снегу, на Рождество, двенадцать месяцев тому назад.

– Узнайте его, если можете, – предложил высокий человек. Вульф же проговорил сквозь сжатые зубы:

– Брат, я вижу только одну возможность прорваться. Мы должны поставить серого Розамунды между нашими конями и ударить по врагам.

Предводитель отряда как бы угадал их мысль, он снова наклонился к уху своего спутника, и тот громко произнес:

– Мой господин говорит, что с вашей стороны безумие – стараться пробиться сквозь наши ряды. Мы будем бить ваших лошадей и ловить их петлями, а между тем жаль губить таких славных коней. Когда же вы упадете, мы без труда захватим вас. Лучше сдайтесь, вы можете сделать это без стыда, ведь вам спасения нет, и два рыцаря, хотя бы и очень храбрых, не в состоянии выдержать борьбу с целой толпой. Мой господин дает вам одну минуту.

Впервые с момента стычки Розамунда обратилась к двоюродным братьям:

– Прошу вас, не отдавайте меня живой в руки сэра Гуго Лозеля и этих людей. Лучше пусть Годвин убьет меня, чтобы избавить от ужасной участи, как он хотел сделать это ради спасения моей души, сами же постарайтесь прорваться сквозь ряды врагов и живите, чтобы отомстить за меня.

Братья ничего не ответили, они только посмотрели на воду, потом переглянулись между собой, слегка кивнули друг другу головами, и Годвин заговорил с Розамундой, потому что

теперь, когда дело дошло до борьбы за жизнь и за даму, Вульф, язык которого обычно двигался с такой легкостью, стал странно молчалив.

– Слушайте, Розамунда, – предложил ей Годвин, – вы можете спастись только одним способом. Это отчаянное средство, но вам придется выбирать или его, или плен, так как убить вас мы не можем. Ваш серый – верный и сильный конь. Поверните его, пришпорьте и заставьте войти в воду бухты Смерти. Пустите лошадь вплавь. Залив широк, но волны помогут вам, и, может быть, вы не утонете.

Розамунда, слушая его, взглянула на лодку. Тогда Вульф решительно обратился к ней:

– Поезжайте, мы задержим ладью.

Темные глаза Розамунды наполнились слезами, ее гордая головка на мгновение склонилась почти к самой гриве серого.

– О, мои рыцари, мои рыцари! – промолвила она. – Вы умрете за меня! Хорошо. Если так угодно Господу Богу – да свершится! Но клянусь, если вы умрете, я не взгляну ни на кого и буду жить воспоминаниями о вас. Если же вы...

– Благословите нас – и в путь, – сказал Годвин.

Тихими святыми словами она благословила братьев, круто повернула серую лошадь, вонзила шпору в ее бок и помчалась в глубокую воду. На мгновение конь остановился, потом сделал большой прыжок. Он погрузился глубоко, но ненадолго; вот голова его наездницы показалась на поверхности, и, снова сев в седло, с которого волна смыла ее, Розамунда направила лошадь к далекому берегу. Крик изумления сорвался с губ грабителей, они не думали, что девушка решится на такой отважный поступок. А братья засмеялись, видя, что серый плывет хорошо, соскочили с седел, пробежали шагов восемьдесят по молу, к самому узкому его месту, по дороге сорвав с себя плащи и обернув ими левые руки вместо щитов.

В отряде послышались мрачные проклятия, предводитель дал шепотом какое-то приказание своему переводчику, и тот громко закричал:

– Убейте их – и в лодку! Мы должны догнать ее раньше, чем она доберется до берега или утонет.

Нападающие колебались, глаза воинов, преграждавших путь, говорили о ранах и смерти. Наконец замаскированные стали карабкаться на неотесанные камни. Но мол был так узок, что пока силы двух братьев не истощились, они могли биться, как двадцать человек, к тому же ил и вода мешали напасть на них с флангов. Итак, разбойникам в конце концов пришлось биться по двое против двоих д'Арси, и Вульф с Годвином были наиболее сильными из сражающихся. Их длинные мечи блеснули, и взвились, и опустились, и когда Вульф поднял свой меч, он был красным, как в ту минуту, когда он взмахнул им в багровых лучах заката. Раздался плеск воды, человек упал в тину и лежал там, умирая.

Противник Годвина тоже упал, как казалось, убитый.

После этого, шепнув друг другу несколько слов, братья, не дожидаясь нового нападения, сами бросились вперед. Волнующаяся толпа увидела, что они приближаются, двинулась прочь, но раньше чем замаскированные прошли ярд, у них с тыла заработали мечи. Раздались страшные проклятия, ноги нескольких воинов попали в расщелины между камнями, и они упали ничком. В смятении троих столкнули в воду – двое утонули в тине, третий еле добрался до берега, – остальные бежали с мола. Двое были убиты, трое лежали на земле, пробовали встать и начать биться, но полотняные маски спустились им на глаза, и их удары не могли попасть в цель, между тем длинные мечи братьев падали на шлемы и кольчуги, точно молоты кузнецов на наковальни. Наконец их противники, умолкшие и неподвижные, замерли навсегда...

– Назад! – крикнул Годвин. – Здесь мол слишком широк, и они могут обойти нас.

И д'Арси стали медленно отступать лицом к врагу. Остановились они против первого человека, которого, казалось, убил Годвин. Он лежал лицом кверху, с раскинутыми руками.

– До сих пор все шло хорошо, – с коротким смехом заметил Вульф. – Ты ранен?

– Нет, – ответил Годвин. – Только не хвались до конца битвы, их еще много, но они, конечно, не пройдут сюда. Дай Бог, чтобы у них не было копий или луков.

Он оглянулся: вдали от берега спокойно плыл серый, а на нем сидела Розамунда. Девушка видела все, потому что ее лошадь плыла немного наискось, и она сняла с шеи платочек и махнула им братьям. Они поняли, что она гордится их подвигом и благодарит святых за то, что они уже успели совершить такие деяния ради нее.

Годвин был прав: хотя предводитель давал суровые приказания своим людям, отряд не подходил близко к ужасным мечам, замаскированные искали камни, чтобы осыпать ими д'Арси. Но вокруг было больше ила, чем булыжников, а камни, служившие материалом для мола, оказались слишком тяжелы и велики. Воины нашли только несколько, бросили ими в д'Арси, но булыжники или не попадали в братьев, или не причиняли им большого вреда. Немного времени спустя человек, которого звали начальником, что-то сказал солдатам через своего помощника. Несколько воинов отбежали в заросли терновника и вернулись оттуда с длинными веслами.

– Они хотят бить нас веслами. Что нам делать, брат? – спросил Годвин.

– Сделаем все, что возможно, – откликнулся Вульф. – Впрочем, то, что случится дальше, теперь неважно, если только воды моря пощадят Розамунду. Вряд ли враги настигнут ее; после того как убьют нас, им еще придется отвязать лодку, сесть в нее и отчалить.

Вдруг Вульф услышал за спиной какой-то шорох. Годвин внезапно вскинул руки и упал на колени. Вульф отступил: человек, которого они считали мертвым, стоял живой и здоровый, держа окровавленный меч. Вульф кинулся на него и нанес ему несколько жестоких ударов; первый же из них отделил лезвие его меча от рукоятки, второй разорвал кольчугу и глубоко вонзился в его бок, на этот раз он упал, чтобы уже никогда не подняться. Вульф взглянул на брата – кровь заливала лицо Годвина, слепила его глаза.

– Спасайся, Вульф, мне пришел конец, – прошептал он.

– Нет, тогда бы ты не говорил, – и Вульф, обняв брата, поцеловал его в лоб. Он, как ребенка, поднял Годвина, подбежал к тому месту, где стояли лошади, и вскинул его на седло.

– Держись крепче! – крикнул он. – Держись за гриву и луку. Сохрани присутствие духа, мужайся, и я все-таки спасу тебя.

Накинув поводья на левую руку, Вульф вскочил на свою собственную лошадь и повернул ее. Прошло секунд десять, вооруженные веслами пираты, которые собирались к месту разветвления двух тропинок, вдруг увидели больших коней, безумно мчавшихся прямо на них.

На одном покачивался жестоко раненный человек со светлыми волосами, запятнанными кровью, держась руками за гриву и седло, на другом сидел воин Вульф с расширившимися глазами, с лицом, похожим на лик огня. Он потрясал своим кроваво-красным мечом и вторично в этот день выкрикивал:

– Д'Арси, д'Арси! Против д'Арси – против смерти!

Враги увидели братьев, закричали, столпились и подняли весла, чтобы встретить всадников. Но Вульф ожесточенно прищипорил коня, и, хоть путь был короток, тяжелые лошади, выдрессированные для турниров, уже неслись с огромной скоростью. Вот они близко. Весла качнулись в сторону, точно тростинки, засверкали мечи, и Вульф почувствовал, что ранен, но куда, не понял. Его меч тоже блеснул, блеснул всего раз, второго удара он нанести не успел – его противник упал, как пустой мешок.

Святой Петр! Они промчались через толпу. Годвин все еще качался в седле, а там вдали, приближаясь к берегу, серая лошадь боролась с волнами. Они пробились. Перед глазами Вульфа расплывалось красное пятно, ему казалось, будто земля поднимается им навстречу и все кругом пылает, как огонь.

Позади затихли крики, теперь слышался только один звук – конский топот. Потом и топот ослабел, замер в отдалении, и молчание и тьма окутали сознание Вульфа.

II. Сэр Эндрью д'Арси

Годвину снится, что он умер, что где-то внизу, под ним, плывет мир, что сам он, распростертый на ложе из черного дерева, несется в черной мгле и что его охраняют двое светлых стражей. «Это ангелы-хранители», – думается ему.

Время от времени появляются и другие духи и спрашивают ангелов, сидящих у него подле изголовья и в ногах:

– Грешила ли эта душа?

И слышится ответ ангела, сидевшего у изголовья:

– Грешила.

И снова спросил голос:

– Умер ли он свободным от грехов?

– Он умер несвободным, с красным поднятым мечом, но погиб во время славной битвы.

– Во время битвы за крест Христов?

– Нет, за женщину.

– Увы, бедная душа, грешная, несвободная, она погибла ради земной любви. Может ли он заслужить прощение? – несколько раз повторил с грустью вопрошающий голос, становясь все слабее и слабее, пока наконец не затерялся вдали.

Зазвучал новый голос, голос отца Годвина, никогда не виденного им воителя, который пал в Сирии. Годвин тотчас же узнал его, у видения было лицо, высеченное из камня, как на гробнице в церкви Стоунгейтского аббатства, на его кольчуге виднелся кроваво-красный крест, на щите красовался герб д'Арси, а в руках блестел обнаженный меч.

– Это ли душа моего сына? – спросил он у стражей, облаченных в белые одежды. – Если да, то как он умер?

Тогда ангел, бывший в ногах ложа, ответил:

– Он умер с красным поднятым мечом, умер во время честного боя.

– Он бился за крест Христов?

– Нет, за женщину.

– Он бился за женщину, когда должен был пасть в святой войне. Увы, бедный сын! Увы, значит, нам нужно снова расстаться, и теперь навсегда.

Этот голос тоже замер.

Что это? Сквозь тьму двигалось великое сияние, и ангелы, сидевшие в ногах и при изголовье ложа, поднялись и приветствовали великий свет своими пламенными копьями.

– Как умер этот человек? – спросил голос, звучавший из сияния, голос глухой и страшный.

– Он умер от меча, – ответил ангел.

– От меча врагов небес? Он бился в войне небес?

Но ангелы молчали.

– Нет до него дела Небу, если он бился не за Небо, – снова сказал он.

– Пошади его, – заступились хранители, – он был молод и храбр и не знал истины! Верни его на землю, чтобы он очистился от грехов, позволь нам снова охранять его.

– Да будет так, – прозвучал голос. – Живи, но живи как рыцарь небес, если ты хочешь достичь Неба!

– Должен ли он отказаться от земной любви и земных радостей? – спросили ангелы.

– Этого я не сказал, – ответил голос, вещавший из сияния.

И странное видение исчезло.

Полное отсутствие сознания... Потом Годвин очнулся и услышал другие голоса – человеческие, горячо любимые, хорошо памятные. Увидел он также наклонившееся над ним лицо

– самое человеческое, самое любимое, самое памятное, с чертами Розамунды. Он пролепетал несколько вопросов, ему принесли поесть и велели спать, и он опять заснул. Так продолжалось много времени. Пробуждение и сон, сон и пробуждение. Наконец однажды утром Годвин проснулся по-настоящему в маленькой комнате, которая находилась рядом с соларом, гостиной замка Холл в Стипле; здесь братья спали с тех пор, как дядя взял их к себе. Против Годвина на кровати-козлах сидел Вульф с перевязанными рукой и ногой, подле него стоял костыль. Он немного побледнел и похудел, но это был все тот же веселый, беспечный Вульф, лицо которого по временам умело принимать ожесточенное выражение.

– Я все еще грежу, брат, или это действительно ты?

Лицо Вульфа просияло, и он счастливо улыбнулся – теперь он знал, что Годвин действительно пришел в себя.

– Ну конечно, я, – рассмеялся Вульф, – у приведенных не бывает хромым ног, раны – дары мечей и людей.

– А Розамунда? Что стало с Розамундой? Переплыл ли серый через залив, и как мы вернулись сюда? Расскажи мне обо всем. Скорее, скорее!

– Она сама скажет тебе все, – и, проковыляв до занавеси в двери, Вульф крикнул: – Розамунда, моя... нет, наша кузина Розамунда, Годвин очнулся. Слышите, Годвин очнулся и хотел бы поговорить с вами.

Зашелестело платье, зашуршали камыши, которые устилали пол, и Розамунда, по-прежнему красивая, но в эту минуту от радости забывшая всю свою важность, вошла в комнату. Она увидела исхудавшего Годвина, который сидел на постели с блеском в серых глазах, сверкавших на белом осунувшемся лице. У Годвина были серые глаза, у Вульфа – синие; лишь одно это различие между братьями заметил бы посторонний человек, хотя и губы Вульфа были полнее, чем у Годвина, и подбородок очерчен более резко, кроме того, он был ростом гораздо выше брата. Розамунда с легким восклицанием восторга подбежала к Годвину, обвила руками его шею и поцеловала в лоб.

– Осторожнее, – резко сказал Вульф, отворачивая голову. – Не то, Розамунда, перевязки ослабеют и он снова начнет страдать; он и так потерял достаточно крови.

– Тогда я поцелую руку, которая спасла меня, – произнесла она и, исполнив сказанное, прижала большую кисть Годвина к своему сердцу.

– Моя рука тоже принимала некоторое участие в этом деле, только, помнится, вы не целовали ее, кузина. Ну, ничего, я тоже поцелую его. Слава Господу, святой Деве, святому Петру, святому Чеду и всем другим святым, имен которых я не помню, слава за то, что они с помощью Розамунды, молитв приора Джона, братьев Стоунгейтского аббатства и Метью, деревенского священника, спасли моего брата. Мой горячо любимый брат!

И, подойдя к кровати Годвина, Вульф обнял и несколько раз поцеловал его.

– Осторожнее, – сухо заметила Розамунда, – не то, Вульф, вы сдвинете повязки, а он и так уже потерял достаточно крови.

Прежде чем Вульф успел ответить, раздался звук медленных шагов, занавесь откинулась в сторону, и в маленькую комнату вошел высокий рыцарь с благородной осанкой.

Он был стар, но казался еще старше своих лет, так как горе и болезни истощили его. Снежно-белые волосы падали ему на плечи. Его лицо было бледно, заострившиеся черты казались как бы тонко выточенными и, несмотря на разницу в возрасте, изумительно напоминали черты Розамунды. Это был ее отец, знаменитый лорд сэр Эндрью д'Арси. Розамунда повернулась и присела перед ним с восточной грацией; Вульф наклонил голову, Годвин, шея которого слишком окаменела, просто протянул ему руку. Старик посмотрел на него с гордостью в глазах.

– Итак, ты останешься жив, мой племянник, – вымолвил он, – и я благодарю за это Подателя жизни и смерти! Клянусь Богом, ты храбрец, достойный отпрыск рода нормандца д'Арси и Улуина-саксонца. Да, ты один из лучших потомков их.

– Не говорите так, дядя, – возразил Годвин, – здесь есть более достойный человек, – и своими тонкими пальцами он погладил руку Вульфа. – Ведь Вульф провез меня через ряды нападающих. О, я помню, как он вскинул меня на вороного и приказал крепко держаться за гриву коня и седельную луку. Да, я помню наш прорыв и его крик: «Д'Арси! Д'Арси! Против д'Арси – против смерти!», помню блеск вражеских мечей, но больше – ничего.

– Я жалею, что не был с вами и не помогал вам в этой битве, – со вздохом произнес сэр Эндрью. – О, дети, грустно быть больным и старым. Я обрубок, только тлеющий обрубок, но знал и я...

– Отец, отец, – Розамунда обняла его, – вы не должны так говорить. Вы уже выполнили вашу задачу.

– Да, мою часть дела, но мне хотелось бы сделать больше! О, мой святой, попроси Господа дать мне умереть с обнаженным мечом, с боевым кличем наших дедов на губах. Да, не хотел бы я угаснуть, как старая изъезженная боевая лошадь в конюшне! Простите меня, дети, но я поистине завидую вам. Когда я увидел, что вы лежите в объятиях друг друга, я чуть не заплакал от злости при мысли, что горячий бой происходил в какой-нибудь миле от моих дверей, а я не участвовал в нем.

– Я не знаю, что случилось дальше, – тихо сказал Годвин.

– Конечно, не знаешь, ведь ты больше месяца лежал без чувств. Но Розамунда знает все и расскажет тебе. Ляг, Годвин, и слушай.

– Вы приказали мне плыть, и, пришпорив коня, я заставила его броситься в воду. На мгновение волны сомкнулись над моей головой, потом я всплыла на поверхность, но вода смыла меня с седла. Тем не менее мне удалось снова сесть на коня. Он послушался моего голоса и поводьев и покорно поплыл к отдаленному берегу. Волны помогали ему, поэтому я повернула голову и увидела все, что происходило на молу. На моих глазах враги кидались на вас и падали от ваших мечей, а потом вы напали на них и бегом вернулись обратно. Наконец, как мне казалось, после долгого времени и когда я была уже далеко, я заметила, что Вульф вскинул Годвина на коня. Я поняла, что это Годвин, потому что его посадили на вороного, следила я также, как вы неслись по молу, как исчезли.

К этому времени я уже была подле берега, серый страшно устал и глубоко ушел в воду, но ласковыми словами я подбодрила его, и, хотя его голова дважды погружалась под воду, он все-таки нашел опору для усталых ног. Отдохнув немного, мой конь бросился вперед и короткими переходами двинулся через топь. Наконец мы благополучно достигли земли, тут он остановился, дрожа от страха и усталости. Едва серый отдышался, я пустилась в путь, так как увидела, что враги отвязывают лодку... В Стиплъ я приехала, когда уже стемнело, отец стоял у ворот. Теперь рассказывайте вы, отец.

– Остается досказать немного, – заметил сэр Эндрью. – Вы, дети, помните, что я был против поездки за цветами или за чем-то там еще к церкви святого Петра, за девять миль от дома, но так как Розамунде очень хотелось этого, а у нее немного развлечений, то я и отпустил ее с вами. Помните также, что вы отправились без кольчуг и сочли меня неразумным, когда я вернул вас и заставил надеть их. Вероятно, мой святой покровитель или ваши ангелы-хранители вселили в меня мысль сделать это, ведь без такой предосторожности вы теперь были бы мертвы. В то утро я почему-то много думал о сэре Гуго Лозеле (если только такой предатель-пират может называться сэром и рыцарем, хотя стойкости и храбрости у него не отнять) и о том, что он грозил, несмотря на все наши старания, украсть Розамунду. Правда, мы слышали, что он отплыл на Восток, на войну против Салах ад-Дина или заодно с ним, потому что он всегда был предателем. Но разве люди не возвращаются с Востока? Вот почему я велел вам вооружиться: смутное предчувствие говорило мне, что Лозель совершит попытку привести в исполнение свои слова, и я не ошибся, ведь, конечно, это нападение было его делом.

– Я так и думал, – согласился с ним Вульф, – Розамунда знает, что высокий оруженосец, переводчик чужеземца, которого он называл «господином», сказал, что именно рыцарь Лозель желает увезти ее.

– Этот «господин» – мусульманин, сарацин? – тревожно спросил сэр Эндрью.

– Не знаю, дядя, ведь его лицо было замаскировано, как и у всех остальных, а говорил он только через посредника. Но, пожалуйста, продолжайте рассказ, которого Годвин еще не слышал.

– Он короток. Розамунда рассказала мне о том, что случилось, хотя не все понял я из ее слов, потому что она совсем обезумела от печали, холода и страха. Я узнал только, что вы бились на старом молу и что она сама переплыла через бухту Смерти, что казалось невероятным. Я созвал всех людей, которых только мог, и приказал ей остаться дома с несколькими слугами и принять чего-нибудь, на что она согласилась неохотно, сам же я отправился отыскивать вас или ваши тела. Ночь мешала двигаться вперед, но мы освещали путь фонарями и наконец увидели место, где соединяются две дороги. Там стояла твой вороной, Годвин. Он был ранен так сильно, что не мог идти дальше. Я громко застонал, думая, что ты погиб. Но мы все же пустили коней вперед; вдруг раздалось ржание другой лошади, и мы увидели чалого, тоже без седока, он стоял у края дороги с печально опущенной головой.

«Поводья держит кто-то лежащий на земле!» – закричал один из моих спутников. Я соскочил с седла, наклонился и увидел вас обоих. Вы лежали, обнимая друг друга. И тут я решил: они достойны посвящения в рыцари.

– Говори ты, – обратился Вульф к брату, – потому что мой язык неповоротлив и неловок.

– Сэр, – слабым голосом произнес Годвин, – мы не знаем, как и благодарить вас за такую большую честь; мы не думали заслужить ее, отбив всего лишь шайку разбойников. Но мы можем лишь сказать, что до конца жизни постараемся быть достойными и нашего имени, и вас.

– Хорошо сказано, – с удовлетворением признал сэр Эндрью и прибавил, точно про себя: – Он так же вежлив, как и храбр.

Вульф поднял глаза – на его открытом лице лежала печать нескрываемой веселости.

– Хотя моя речь и не очень изысканна, дядя, но я тоже благодарю вас и прибавляю, что мне кажется, нашу леди кузину тоже следовало бы посвятить в рыцари, если бы это было возможно для молодой девушки, ведь переплыть верхом через бухту Смерти – большой подвиг, чем отбиться от нескольких мошенников на берегу.

– Розамунду? – странным мечтательным голосом произнес старик. – Ее положение достаточно высоко, слишком высоко для полной безопасности.

Он медленно повернулся и вышел из комнаты.

– Ну, кузина, – обратился к ней Вульф, – если вам невозможно сделаться рыцарем, то вы, по крайней мере, можете уменьшить высоту вашего опасного положения, став женой рыцаря.

Розамунда посмотрела на него с негодованием, которое как бы боролось с улыбкой, светившейся в ее темных глазах. Она шепотом объяснила, что ей еще нужно посмотреть, как готовят бульон для Годвина, и ушла вслед за отцом.

– Было бы добрее, если бы она сказала, что для нас обоих, – заметил Вульф, когда за ней закрылась драпировка.

– Может быть, она и сделала бы это, – ответил ему брат, – но только без твоих грубых шуток, ведь в них она могла увидеть скрытое значение.

– Нет, я говорил, ничего не подразумевая. Почему бы ей и не выйти замуж за рыцаря?

– Да, но за какого рыцаря? Разве нам было бы приятно, брат, если бы ее мужем сделался чужой для нас человек?

Вульф проворчал какое-то проклятие, потом вспыхнул до корней волос.

– Ах, – упрекнул его Годвин, – ты говоришь, не подумав, а это нехорошо.

– Там, на берегу, она поклялась... – вставил Вульф.

– Забудь об этом. Слов, сказанных в такой час, нельзя помнить, нельзя связывать молодую девушку.

– Ей-Богу, брат, ты прав, как всегда. Мой язык болтает помимо воли, а все-таки я не могу забыть ее слов. Только вот о ком из нас?..

– Вульф!

– Я хотел сказать, что сегодня мы на дороге к счастью, Годвин. О, это была счастливая поездка. Я никогда не мечтал о таком бое и никогда не видывал ничего подобного! И мы победили! И мы оба живы, и оба станем рыцарями.

– Да, мы живы благодаря тебе, Вульф. Не возражай, это так, – впрочем, меньшего нельзя было бы и ждать от тебя. Что же касается пути к счастью, то на нем много поворотов, и, может быть, в конце концов он приведет нас совсем в другую сторону.

– Ты говоришь как священник, а не как оруженосец, который скоро станет рыцарем, заплатив за это раной головы. Я же поцелую Форуну, улучив первую удобную минуту; если же потом она оттолкнет меня...

– Вульф, – позвала Розамунда из-за занавеси, – перестаньте так громко говорить о поцелуях и дайте Годвину заснуть, ему нужен отдых.

И она вошла в комнату с чашкой бульона в руках. Вульф проворчал, что дамы и молодые девушки не должны слушать того, что их не касается, схватил свой костыль и ушел.

III. Посвящение в рыцари

Прошел еще целый месяц, и хотя Годвин пока был слаб и по временам страдал головными болями, раны братьев зажили, и они поправились. В последний день ноября, около двух часов пополудни, на дороге, которая вилась из старого Холла в Стипль, появилась величавая процессия. Во главе ее ехали несколько рыцарей в полном вооружении, а перед ними двигались их знамена; далее сэр Эндрю д'Арси, тоже во всех доспехах и окруженный оруженосцами-наемниками. Рядом с ним – его красивая дочь, леди Розамунда, в великолепном платье, прикрытом меховым плащом; она ехала по правую руку отца на том сером коне, который переплыл через бухту Смерти. Молодые братья д'Арси в скромных одеждах простых джентльменов следовали за дядей в сопровождении своих оруженосцев, членов благородных домов Солкот и Денджи. Позади них виднелись еще рыцари, оруженосцы, арендаторы различных степеней и слуги, окруженные многочисленной бегущей толпой крестьян и простолюдинов, спешивших за остальными вместе со своими женами, сестрами и детьми.

Миновав деревню и достигнув большой арки, которая обозначала границу монастырских земель, процессия свернула влево и направилась к аббатству Стоунгейт, отстоявшему мили на две от этого места; дорога шла между пахотными полями и солончаковыми зарослями, во время прилива исчезавшими под водой. Наконец показались каменные ворота аббатства, от которых оно и получило свое название «Стоунгейт». Здесь шествие встретили монахи, жившие на этом уединенном диком берегу со своим приором Джоном Фитцбрайеном. Настоятель – беловолосый человек, одетый в черное платье с широкими рукавами, шел вслед за священником, державшим серебряный крест. Процессия разделилась: Годвин и Вульф с несколькими рыцарями и их оруженосцами отправились в аббатство, остальные же вошли в церковь или остались подле нее.

Двух будущих рыцарей отвели в комнату, где брадобрей коротко обрезал их длинные волосы. Потом под руководством двух старых рыцарей, сэра Энтони де Мандевиля и сэра Роджера де Мерси, их провели в ванны, отгороженные богатыми занавесями. Оруженосцы раздели их, и Вульф с Годвином погрузились в воду; сэр Энтони и сэр Роджер разговаривали с ними через занавеси, напоминая о высоких обязанностях, присущих их будущему призванию, а под конец облили братьев водой и перекрестили их обнаженные тела. После этого молодых людей снова одели, и, предшествуемые менестрелями, они прошли в церковь, там при входе их оруженосцам поднесли вина.

В присутствии всего общества молодых д'Арси облекли сначала в белые туники в знак чистоты их сердец, потом в красные одеяния, служившие символом крови, которую они, может быть, будут призваны пролить ради Христа, и, наконец, в длинные черные плащи – эмблему смерти, неизбежной для всех. После этого принесли доспехи Годвина и Вульфа и сложили перед ними на ступенях алтаря. Потом все разошлись, оставив молодых людей с их оруженосцами и священниками для бдения и молитвы в течение долгой зимней ночи.

И действительно, бесконечно тянулась она в этой церкви, освещенной лишь лампадой, которая качалась перед алтарем. Вульф долго молился и под конец так устал, что его губы перестали шептать святые слова. Он впал в полусонное состояние; ему виделось лицо Розамунды, хотя здесь следовало забыть даже ее черты. Годвин же оперся локтем о надгробие, скрывавшее сердце его отца, и тоже молился, но и его серьезная душа утомилась, и он стал раздумывать о многом в жизни и, между прочим, о странном сне, который приснился ему, когда он лежал больной и казался мертвым; потом – об истинных обязанностях человека. Что нужно? Быть храбрым и справедливым? Конечно. Биться ради креста Христова против сарацин? Конечно, если такая возможность возникнет на его пути. Что еще? Покинуть мир и проводить жизнь, бормоча молитвы, как священники, стоящие во тьме перед ним? Необходимо

ли это для Бога или человека? Для человека – может быть, потому что монахи и священники ухаживают за больными, дают пищу голодным. Но для Бога? Разве он, Годвин, не послан в мир, чтобы жить полной жизнью? Ведь монашеское отречение было бы полужизнью, жизнью без жены, без ребенка, без всего, что освятили небеса!

Тогда, например, ему нужно не думать больше о Розамунде. Разве он может это сделать, хотя бы ради блаженства своей души в будущей жизни?

При мысли о таком отречении даже в этом святом месте, даже в час посвящения его дух возмутился, потому что именно теперь он в первый раз почувствовал, что любит свою кузину больше всего на свете, больше жизни, может быть, больше своей души. Он с радостью умер бы за нее, охотно и спокойно. Что, если другой...

Рядом с ним, опершись руками на ограду алтаря, устремив глаза на блестящее вооружение, стоял на коленях Вульф, его брат – человек могучий, рыцарь из рыцарей, бесстрашный, благородный воин с открытым сердцем. Такого рыцаря могла полюбить каждая девушка. И он тоже любил Розамунду! Годвин был уверен в этом. А Розамунда? Разве она не любит Вульфа? Ревность охватила душу Годвина. Да, даже здесь черная зависть зашевелилась в его сердце, и ему стало так больно, что холодный пот оросил его лицо и тело.

Оставить надежду, бежать, боясь поражения? Нет, он будет действовать честно и, если потерпит неудачу, встретит свою судьбу, как это подобает храброму рыцарю: без горечи, но и без стыда. Пусть судьба решает. Все в ее воле. И, протянув руки, он обнял коленопреклоненного брата и не выпускал его из объятий, пока голова усталого Вульфа не склонилась к его плечу, точно головка ребенка к груди матери.

– О Иисус, – простонало бедное сердце Годвина, – дай мне силу победить грешную любовь, которая может довести меня до ненависти к любимому брату. О Иисус, дай мне силу вынести горе, если она предпочтет его мне! Сделай меня совершенным рыцарем, сильным против страданий и в случае нужды способным радоваться радостью того, кто победит меня.

Началось серое утро, свет солнца упал сквозь восточное окошко и, как золотое копье, пронизал продолговатую церковь, выстроенную в форме креста; теперь сумрак наполнял только ее приделы. Послышались звуки пения, и в западную дверь вошел приор в полном облачении, окруженный монахами с кадилами в руках. В средней части церкви он остановился и прошел в исповедальню, позвав за собой Годвина.

Молодой человек преклонил колени перед аббатом и излил перед ним всю душу, исповедался во всех своих грехах. Их было немного. Рассказал он также о своем видении, которое заставило приора задуматься, открыл свою глубокую любовь к Розамунде, свои надежды, опасения, желание быть воином, хотя раньше, в юности, он стремился стать монахом, прибавив, что желает не проливать попросту кровь, а биться с неверными во имя креста Господня, и закончил восклицанием:

– Дайте мне совет, отец мой, дайте мне совет!

– Лучший советчик – ваше собственное сердце, – был ответ священника. – Идите, куда оно зовет вас, и знайте, что через него вами руководит Господь. Не бойтесь неудач. Однако если любовь и радости жизни покинут вас, вернитесь сюда, и мы снова поговорим. Идите, чистый рыцарь Христов, ничего не бойтесь, и да будет над вами благословение Христа и Его церкви!

– Какую епитимью должен я выполнить, отец мой?

– Такие души, как ваша, сами налагают на себя епитимью. Святые не позволяют мне прибавить что-нибудь, – слышался короткий ответ.

С облегченным сердцем вернулся Годвин к решетке алтаря, а Вульф, в свою очередь, занял его место в исповедальне. Нам нечего говорить о грехах, в которых признался он. Такие прегрешения бывают у всех молодых людей, и ни одно из них не было слишком тяжело. Но все же раньше, чем дать Вульфу отпущение, добрый приор велел ему меньше думать о теле и больше – о духе, меньше о славе подвигов с оружием в руках, больше – об истинных целях этих

подвигов. Кроме того, он посоветовал ему смотреть на своего брата Годвина как на земного руководителя и пример, потому что, по его мнению, на земле не было лучшего или более мудрого молодого человека. Наконец Джон отпустил Вульфа, сказав ему, что, если он последует данным ему советам, он достигнет великой славы на земле и на небесах.

– Отец мой, я буду стремиться к этому всеми силами, – смиренно ответил Вульф, – но на земле не может быть двух Годвинов! Иногда, отец мой, я боюсь, что наши пути столкнутся, потому что худо, когда два человека добиваются любви одной и той же девушки.

– Я знаю все, – тревожно произнес приор, – и если бы вы были людьми менее благородными, это могло бы казаться серьезным. Но когда дело дойдет до минуты решения, пусть благородная леди поступит согласно велению своего сердца, и да останется потерявший ее таким же честным в печали, каким он был в радости. Конечно, вы не воспользуетесь преимуществом в час искушения и не будете питать горечи против брата, если она сделается его невестой.

– И я в этом уверен, – согласился Вульф. – А также и в том, что мы, любившие друг друга с самого рождения, скорее умрем, чем изменим один другому.

– Я тоже так думаю, – ответил приор. – Но Сатана силен!

Вульф тоже вернулся к решетке алтаря. Служили мессу, неопиты приняли святое таинство, потом по заведенному порядку были сделаны приношения. После обедни молодых людей отвели в аббатство, чтобы они могли отдохнуть и немного поесть после долгого ночного бдения в холодной церкви. Братья сидели в комнате приора, и каждый думал о своем. Наконец Вульф, который, казалось, чувствовал себя беспокойно, поднялся с места, положил руку на плечо Годвина и признался:

– Не могу больше молчать. Со мной всегда так – то, что у меня на уме, должно вылиться в слова. Мне нужно поговорить с тобой.

– Говори, Вульф, – сказал Годвин.

Вульф снова опустился на стул и несколько мгновений не двигался, устремив взгляд куда-то в пространство, ему трудно было начать говорить. Годвин читал в душе брата, как по книге, но Вульф не умел угадать мыслей Годвина, хотя обычно они понимали друг друга без слов и их сердца бывали открыты одно для другого.

– Поговорить о нашей кухне Розамунде, не правда ли? – спросил Годвин.

– Да о чем же иначе?

– И ты хочешь сказать мне, что любишь ее, что теперь, когда ты рыцарь... почти... и тебе скоро минет двадцать пять лет, ты попросишь ее сделаться твоей невестой?

– Да, Годвин, любовь вошла в мое сердце, когда она пустила своего серого в воду и мне показалось, что я уже никогда не увижу ее больше. Скажу тебе, я почувствовал, что без нее не стоит жить.

– Тогда, Вульф, – медленно проговорил Годвин, – о чем еще говорить? Спроси ее – и будь счастлив. Почему бы нет? У нас есть земли, хотя их и немного, а у Розамунды не будет недостатка в них. Я думаю также, что и дядя не откажет тебе, если она захочет этого, так как ты самый благородный и храбрый человек во всей нашей округе.

– За исключением моего брата Годвина, который совершенно так же отважен да вдобавок еще добр и учен, чего нельзя сказать обо мне, – задумчиво произнес Вульф.

Несколько мгновений оба молчали. Наконец Вульф снова заговорил:

– Годвин, несчастье в том, что ты тоже любишь ее и там, на молу, тебя посетили те же самые мысли.

Годвин слегка покраснел, и его тонкие длинные пальцы сильнее сжали колено.

– Ты угадал, – спокойно ответил он. – К сожалению, ты угадал. Но Розамунда не знает ничего об этом и никогда не узнает, если ты сумеешь удержать свой язык. Тебе не придется также никогда ревновать...

– Что же ты посоветуешь мне делать? – горячо спросил Вульф.

– Постараться завоевать ее сердце, и, может быть, – хотя в этом я сомневаюсь, – позволить ей отдать его мне, так как она думает, что тебе до нее нет дела?

– Почему бы и нет? – снова повторил Годвин со вздохом. – Может быть, это избавит ее от печали, тебя от сомнений и яснее наметит мой путь. Брак для тебя значит больше, чем для меня, Вульф, я иногда думаю, что меч должен быть моим единственным спутником жизни, а долг – моей единственной целью.

– У тебя золотое сердце, и даже теперь ты не хочешь преградить путь брату, которого ты любишь! Нет, Годвин, так же верно, как то, что я грешник или что я ее люблю больше всего на свете, – я не хочу вести такую трусливую игру и победить человека, не желающего поднять меча из опасения меня ранить. Скорее я прощусь со всеми вами и отправлюсь искать счастья или смерти в боях, не сказав ей ни слова.

– И, может быть, оставишь Розамунду в печали? О, если бы мы знали наверно, что она не думает ни об одном из нас, нам обоим было бы лучше уехать. Но, Вульф, мы не знаем этого. По чести, мне казалось иногда, что она любит тебя.

– А иногда, говоря по чести, Годвин, я был уверен, что она любит тебя, хотя мне хотелось бы попытаться счастья и узнать все из ее собственных уст. Но при таких условиях я этого не сделаю.

– Чего же ты хотел бы, Вульф?

– Попросить нашего дядю позволить нам обоим поговорить с ней; ты, как старший, пошел бы к ней первый и предложил бы ей подумать о твоих словах и через день дать ответ. Потом, раньше чем окончился бы этот день, я тоже поговорил бы с ней, чтобы она узнала всю правду и приступила к решению с открытыми глазами, с ясным умом, ведь в противном случае она могла бы подумать, что мы знаем намерения друг друга и что ты просишь ее руки, так как я не хочу сделать этого.

– Это честно, – признал Годвин, – и достойно тебя, честнейшего из людей, а между тем, Вульф, я смущен. Видишь ли, мне кажется, на свете еще не было братьев, которые так любили бы друг друга, как мы с тобой. Неужели тень земной любви падет на нас и омрачит нашу дружбу, такую ясную, такую драгоценную?

– Почему? Полно, Годвин, решим, что этого никогда не случится и, с помощью небес, покажем миру, что два человека могут любить одну и ту же даму и оставаться друзьями, не зная, которого из них она выберет – если она захочет избрать кого-нибудь из нас. Ведь, Годвин, не мы одни смотрели или будем смотреть на высокорожденную, богатую и красивую леди Розамунду. Хочешь заключить такой договор?

Подумав немного, Годвин сказал:

– Да, но это будет серьезный договор, который ради Розамунды и ради нас самих мы никогда не нарушим, не обесчестив себя.

– Так и будет, – подтвердил Вульф. – Ведь мы взрослые люди, а не дети, которые забавляются шуточными выдумками.

Годвин поднялся, подошел к двери, приказал своему оруженосцу, ждавшему снаружи, позвать приора Джона, сказав, что они с братом хотят посоветоваться с настоятелем об одном деле. Джон пришел; тогда, стоя перед ним с опущенной головой, Годвин рассказал ему все, и старик, знавший уже многое, быстро понял остальное; сообщил ему молодой человек также и то, что они с братом задумали. На вопрос приора Вульф ответил, что все сказанное верно и что Годвин ничего не утаил. Потом братья спросили аббата, законно ли принести такую клятву, и он ответил, что это не только законно, но и хорошо.

В конце концов братья рука об руку опустили перед святым крестом, стоявшим в комнате, и в один голос слово за словом повторили клятву, которую произнес приор.

– Мы, братья Годвин и Вульф д'Арси, клянемся святым крестом Христовым, святым патроном этого места, святой Марией Магдалиной и нашими собственными покровителями,

святыми Петром и Чедом, стоя перед лицом Бога, наших ангелов-хранителей и вашим, Джон, что, любя нашу двоюродную сестру Розамунду д'Арси, мы оба попросим ее руки в тех словах, как согласились сделать это, что мы подчинимся ее решению, и если она выберет кого-нибудь из нас, то не будем стараться увлечь ее или изменить ее намерения при помощи каких-либо других средств ни тайно, ни открыто; что тот из нас, кому она откажет, делается для нее только братом, не более, хотя бы Сатана старался искушать его; что, насколько это возможно для нас, простых грешных людей, мы не позволим ни горечи, ни ревности заползти в наши сердца и разделить нас; что во время войны или мира мы останемся друг для друга верными товарищами и братьями. В этом мы клянемся с открытым сердцем и твердо; в знак святости и соглашения, зная, что тот, кто нарушит клятву, будет обесчещенным рыцарем и сосудом гнева Божия, целуем распятие и друг друга.

Братья исполнили сказанное и с легким сердцем и радостными лицами стали под благословение приора, крестившего их в младенчестве, а потом отправились навстречу обществу, которое выехало, чтобы проводить их в Стипль, где должно было совершиться само посвящение.

Итак, д'Арси наконец двинулись в Стипль. Перед ними ехали их оруженосцы с непокрытыми головами и держали за концы ножен их мечи, на рукоятках которых висели золотые шпоры. Главная нижняя зала Холла была убрана для большого пира. Между столами и помостом оставили свободное пространство, и братьев повели туда. Вперед выступили вооруженные с ног до головы сэр Энтони де МанDEVиль и сэр Роджер де Мерси и поднесли сэру Эндрью д'Арси, стоявшему на краю возвышения тоже в полных доспехах, мечи его племянников и шпоры; шпоры он отдал обратно, попросив прикрепить их к обуви кандидатов. Когда это было сделано, приор Джон благословил мечи, а сэр Эндрью, прикрепив их к поясам своих племянников, сказал:

– Возьмите обратно мечи, которыми вы действовали так хорошо.

И он обнажил свое собственное оружие – меч с серебряной рукояткой, оружие, принадлежавшее его отцу и деду, и, когда Вульф и Годвин преклонили перед ним колени, каждого троекратно ударил им по плечу, произнося громким голосом:

– Во имя Бога, святого Михаила и святого Георгия, посвящаю вас в рыцари. Да будете вы рыцарями доблестными!

Теперь в качестве ближайшей родственницы новоиспеченных рыцарей вышла Розамунда и с помощью других дам надела на них их кольчуги, стальные шлемы и щиты в форме летучих змеев, украшенные гербовым черепом, эмблемой их рода. Когда и это было сделано, они, следуя за музыкантами, прошли в церковь Стипля, отстоящую от Холла сотни на две шагов, там братья положили свои мечи на алтарь и вскоре снова взяли их, произнеся клятву быть верными слугами Христа и защитниками церкви.

При выходе из церковных дверей их встретил повар со своим ножом и потребовал столько денег, сколько стоили их шпоры, а в заключение громко произнес:

– Если кто-нибудь из вас, молодые рыцари, совершит поступок, недостойный чести и произнесенных вами клятв, – да сохранят вас от этого Бог и Его святые! – я вот этим ножом отрублю шпоры от ваших каблуков.

Таким образом закончилась длинная церемония, и начался пышнейший пир; за высоким столом сидело много благородных рыцарей и дам, за столом нижним пировали оруженосцы и другие джентльмены, вне замка – арендаторы и крестьяне; детей и стариков угощали в средней части самой церкви. Когда наконец последнее кушанье было подано, расчистили середину залы Холла, мужчины пили, менестрели играли и пели. Вино и крепкое пиво развеселили всех, между гостями начались толки, кто из двух братьев – сэр Годвин или сэр Вульф – храбрее, красивее, ученее и вежливее другого.

Один рыцарь – сэр Сьюрин де Солкот, заметив, что спор делается жарким и может довести до ударов мечами, поднялся с места и объявил, что спорный вопрос должна решить прекрасная дама и что лучше всех об этом может судить та красавица, которую молодые д'Арси спасли от грабителей на моле бухты Смерти, и все закричали: «Да, пусть она скажет свое слово». Так было решено, что Розамунда отдаст свой шейный платок храбрейшему из двух, кубок вина – самому красивому, а книгу молитв – самому ученому.

Розамунда видела, что ей ничего не остается делать: за исключением сэра Эндрью, Годвина и Вульфа, большей части дам и ее самой, пившей только воду, все благородные рыцари и простые люди уже разгорячились от вина и стали требовательны. Она сняла шелковый платок с шеи и, подойдя к краю помоста, на котором сидели молодые д'Арси, в нерешительности остановилась перед своими двоюродными братьями: бедняжка не знала, кому из них отдать платок. Но Годвин что-то шепнул Вульфу; они оба протянули правые руки, схватили за два края платок, который она поднесла теперь к ним, и, разорвав его пополам, обвили этими обрывками рукоятки своих мечей. Видя их находчивость, все засмеялись и закричали:

– Вина красивейшему из двух. Уж его они не поделят!

Розамунда подумала с минуту, потом подняла большой серебряный кубок, самый широкий из стоявших на столе, наполнила его до краев вином, снова подошла к помосту, как бы в раздумье, и поднесла чашу братьям. Годвин и Вульф в одно мгновение наклонились к ней, и оба коснулись губами вина. Снова послышался громкий смех, и даже Розамунда улыбнулась.

– Книга, книга! – закричали гости. – Книгу молитв они не посмеют разорвать.

В третий раз – с книгой в руках – подошла Розамунда.

– Рыцари, – обратилась она к ним, – вы разорвали платок, вы выпили вино. Теперь я предлагаю святую книгу тому из вас, кто читает лучше.

– Отдайте ее Годвину, – предложил Вульф. – Я воин, а не писец!

– Хорошо сказано, хорошо сказано, – еще громче закричали пирующие. – Нам нужен меч, а не перо.

Но Розамунда повернулась к ним и возразила:

– Тот, кто поднимет меч, храбр, тот, кто может управлять пером, мудр, но лучше всех человек, который может управлять и пером, и мечом, как мой двоюродный брат Годвин, храбрый и ученый.

– Слушайте, слушайте ее! – закричали гости, ударяя рогами, полными вина, о стол. Когда же наступила тишина, один женский голос произнес:

– Велико счастье сэра Годвина, но мне милее сильные руки сэра Вульфа.

После этого снова начались возлияния, и Розамунда и другие дамы ушли из залы. То были грубые, жестокие времена.

На следующий день, когда большая часть гостей разъехалась, причем многие с головной болью, Годвин и Вульф прошли в солар к дяде сэру Эндрью. Братья знали, что Розамунда была в церкви с двумя служанками и убирала ее после крестьянского пира, происходившего в средней ее части. Братья подошли к дубовому креслу старика, которое стояло против открытого очага, снабженного трубой (это было редкостью в те времена), и преклонили колени.

– В чем дело, племянники? – с улыбкой спросил сэр Эндрью. – Вам, кажется, хочется, чтобы я снова посвятил вас в рыцари?

– Нет, сэр, – ответил Годвин. – Мы думаем о гораздо большей милости.

– Напрасно думаете, такой не существует.

– О милости другого рода, – заметил Вульф.

Сэр Эндрью подергал себя за бороду, глядя на молодых людей. Может быть, приор Джон уже шепнул ему словечко и он угадывал, о чем заговорят они.

– В чем дело? – обратился он к Годвину. – Я дам вам любой дар, если это будет в моей власти.

– Сэр, – сказал Годвин, – мы хотим попросить вас позволить нам посвататься к вашей дочери.

– Как? Обоим?

– Да, сэр.

Тут сэр Эндрью, который смеялся редко, громко расхохотался.

– Ну, признаюсь, – сказал он, – много странностей видывал я на свете, а о такой и не слыхал. Как! Два рыцаря сразу хотят предложить свою руку одной девушке!

– Это только кажется странным, – заметил Годвин, – но вы поймете все, выслушав нас.

И старый д'Арси выслушал рассказ о том, что произошло между братьями, и об их торжественной клятве.

– Вы были благородны и в этом случае, как во всех других, – заметил сэр Эндрью, когда они умолкли, – но, может, принесенный обет одному из вас покажется трудным для исполнения. Клянусь всеми святыми, племянники, вы были вполне правы, говоря, что просите у меня больше милости. Знаете ли (хотя я ничего не говорил вам об этом), что, не упоминая о низком Лозеле, еще двое из важнейших людей нашей страны уже искали руки моей дочери, леди Розамунды.

– Это легко могло быть, – сказал Вульф.

– Так и было, а теперь я скажу вам, почему ни тот, ни другой не сделался ее мужем, хотя до известной степени я желал этого. По очень простой причине. Я сказал Розамунде об их просьбе, но она не пожелала принять предложение того или другого... А я... Ее мать вышла замуж по влечению сердца, и я поклялся, что и дочь поступит так же, потому что лучше сделаться монахиней, чем вступить в брак без любви.

Теперь посмотрим, что вы можете дать ей. Вы хорошего рода, со стороны матери в ваших жилах течет кровь Улуина, с отцовской – моя, следовательно, ее собственная. В качестве оруженосцев при ваших «восприемниках», рыцарях сэре Энтони де МанDEVиле и сэре Роджере де Мерси, вы храбро держались во время шотландской войны; наш господин, король Генрих ², вспомнил об этом и потому так охотно согласился на мою просьбу. Позже, несмотря на вашу нелюбовь к мирной жизни, вы исполнили мое желание – отдыхали здесь со мной и не совершали других военных подвигов, кроме того, который прославил вас два месяца тому назад, дал вам возможность сделаться рыцарями, а теперь дает некоторые права на Розамунду.

С другой стороны – у вас немного земель и других богатств, так как ваш отец был младшим в семье. За пределами нашего графства вы неизвестны, ваши подвиги еще впереди – я не считаю шотландских битв, вы тогда были еще мальчиками. Между тем девушка, руки которой вы ищите, принадлежит к числу самых красивых, благородных и ученых дам в округе, потому что я, обладая некоторыми познаниями, сам учил ее. Кроме того, у меня нет наследника, и, следовательно, она будет богата. Но что же можете вы предложить за все это?

– Себя! – смело ответил Вульф. – Мы истинные рыцари, вы знаете все хорошее и все дурное, что в нас есть... и мы любим ее. Мы узнали это на берегу бухты Смерти, хотя до тех пор смотрели на нее только как на сестру.

– Да, – прибавил Годвин, – когда она благословила нас обоих, в наших сердцах как бы вспыхнул свет.

– Встаньте, – сказал сэр Эндрью, – и дайте мне взглянуть на вас.

Братья поднялись и остановились рядом, освещенные пылающим камином, потому что свет солнца едва проникал сквозь узкие окна.

– Молодцы, молодцы, – произнес старый рыцарь. – Вы похожи друг на друга, как два зернышка пшеницы из одного колоса. Оба рослые, оба широкоплечие, хотя Вульф несколько выше и сильнее. У обоих светлые, волнистые волосы, только там, где тебя ранил меч, Годвин,

---

² Речь идет о Генрихе II Плантагенете (1133–1189), короле Англии (1154–1189).

виднеется белая прядь. У Годвина серые, грезящие глаза, у Вульфа синие, блестящие как мечи. Ах, Вульф, у твоего дедушки были такие же глаза, и мне рассказывали, что в тот день, когда при взятии Иерусалима он соскочил с башни на стену, сарацинам не понравился свет, сверкавший в них. Не любил этого блеска и я, его сын, когда он, бывало, сердился. Вы оба молоды, но сэр Вульф более воинствен, а сэр Годвин более мягок. Ну, скажите, что должно больше нравиться даме?

– Это зависит от женщины, – заявил Годвин, и в его глазах сразу появилось мечтательное выражение.

– Это мы постараемся узнать до наступления ночи, если вы позволите нам, – прибавил Вульф, – хотя у меня мало надежды на успех.

– Да, да, перед нами загадка. И я не завидую той, которой придется отвечать на нее, потому что разрешение вопроса может смутить девичий ум. Когда она выскажется, никто не будет знать, выбрала ли она то, что даст ей мир душевный. Не лучше ли мне запретить им задать эту загадку, – произнес он, как бы говоря сам с собой.

Старик задумался. Братья вздрогнули, им показалось, что ему хочется отказать им.

Наконец сэр Эндрю снова поднял голову:

– Нет, пусть будет, как желает Господь, держащий грядущее в Своих руках. Племянники, вы хорошие, верные рыцари, и каждый из вас может прекрасно охранять ее, – а ей нужна охрана; вы – сыновья моего единственного брата, которому я обещал заботиться о вас. Главное же, я люблю вас обоих одинаково сильно, а потому пусть будет по-вашему: идите, попытайтесь получить счастье из рук моей дочери Розамунды, как вы согласились сделать это. Пусть первый идет Годвин, потом ты, Вульф. Нет, не благодарите меня. Идите же скорее. Мои часы сочтены, и я хочу узнать, как она решит эту задачу.

Братья поклонились и вышли из солара. В дверях Холла Вульф остановился:

– Розамунда в церкви. Иди за ней и... О, я хотел бы пожелать тебе счастья, но прости, Годвин, не могу... Боюсь, что край тени земной любви, о которой ты говорил, уже касается моего сердца, леденит его.

– Тени нет, – возразил Годвин, – повсюду свет – и теперь, и в будущем, как мы поклялись в том.

Было три часа пополудни; снежные облака затемняли последний серый свет декабрьского дня, когда Годвин, желая удлинить путь, шел через луг к стипльской церкви. В ее дверях он встретил двух служанок, которые вышли на паперть со щетками в руках, неся корзину, полную остатков еды и всякого сора. Молодой человек спросил у них, в церкви ли еще леди Розамунда, и они ответили с поклоном:

– Да, сэр Годвин, леди Розамунда приказала нам попросить вас прийти за ней и, когда она окончит молиться перед алтарем, проводить ее в Холл.

«Кто знает, – подумал Годвин, – провожу ли я ее от алтаря в Холл или останусь один в церкви?»

И все-таки ему показалось хорошим признаком, что Розамунда попросила его прийти, хотя другие, может быть, придали бы другое значение этой просьбе.

Годвин вошел в церковь, он осторожно ступал по тростнику, которым был устлан пол средней церковной части, и при свете неугасимой лампы увидел Розамунду; она стояла перед небольшой ракой, ее грациозная головка склонилась на руки, и она горячо молилась. «О чем? – подумал он. – О чем?»

Она не слышала ничего, и, подойдя к алтарю, д'Арси остановился в нетерпеливом ожидании. Наконец Розамунда глубоко вздохнула, поднялась с колен и повернулась к нему; при свете лампы он увидел на ее лице следы слез. Может быть, и она говорила с приором Джоном, который был также и ее духовником. Кто знает! По крайней мере, взглянув на Годвина, как статуя стоявшего перед ней, она вздрогнула, и с ее губ сорвались слова:

– О, как скоро! – Но, овладев собой, она прибавила: – Как скоро вы пришли по моей просьбе, кузен.

– Я встретил служанок у дверей, – сказал он.

– Как хорошо, что вы пришли, – продолжала Розамунда. – Но, право, после того дня на молу мне страшно пройти хотя бы расстояние полета стрелы с одними женщинами, с вами же я чувствую себя в безопасности.

– Со мной или с Вульфом?

– Да, и с Вульфом, – повторила она, – конечно, когда он не говорит о войнах илиключениях в далеких странах.

Они подошли к portalу церкви и увидели, что на землю падают большие хлопья снега.

– Останемся на минуту здесь, – предложил Годвин. – Это только проходящее облако.

Они остановились в полутьме, и некоторое время никто из них не говорил; наконец Годвин произнес:

– Розамунда, двоюродная моя сестра и леди, я пришел, чтобы задать вам один вопрос, но прежде (почему я говорю это, вы поймете потом) я обязан попросить вас ответить мне на него не раньше чем через сутки.

– Это легко обещать, Годвин. Но что это за удивительный вопрос, на который нельзя ответить?

– Вопрос короток и прост. Согласитесь ли вы быть моей женой, Розамунда?

Она отшатнулась к стене портала.

– Мой отец...

– Розамунда, я говорю с его позволения.

– Могу ли я ответить, раз вы сами запретили мне говорить.

– Только до завтрашнего дня. Тем не менее прошу вас выслушать меня, Розамунда. Я ваш двоюродный брат, и мы росли вместе: ведь за исключением того времени, когда я был на войне в Шотландии, мы никогда не расставались. Поэтому мы хорошо знаем друг друга, так хорошо, как обычно не знают друг друга люди, не соединенные браком. Поэтому также для вас не тайна, что я всегда любил вас, сначала как брат любит сестру, теперь же как жених любит невесту.

– Нет, Годвин, я этого не знала, напротив, я всегда думала, что ваше сердце совсем в другом месте.

– В другом месте? Какая же дама...

– Нет, я думала, что оно приковано не к даме, а к вашим мечтам.

– Мечтам? Мечтам о чем?

– Я не знаю этого. Может быть, о том, что не связано с землей, о том, что выше бедной девушки.

– До известной степени вы правы, кузина, потому что я не только люблю земную девушку, но и ее дух. Да, вы моя мечта, поистине мечта, символ всего благородного, высокого, чистого. В вас и через вас, Розамунда, я поклоняюсь Небу, которое надеюсь разделить с вами.

– Мечта? Символ? Небеса? Разве такими блестящими одеждами можно украшать образ женщины? Право, когда обнаружится действительность, вы увидите, что мое лицо только череп в украшенной камнями маске, и возненавидите меня за обман, хотя не я обманула вас, а вы сами, Годвин. Только ангел может явиться в том образе, который рисует ваше воображение. – Ваше лицо станет ликом ангела.

– Ангела? Почему вы знаете? Я наполовину восточного происхождения, и по временам во мне клокочет кровь. Мне тоже являются видения. Кажется, я люблю власть, прелести и восторги жизни, жизни, не похожей на нашу. Уверены ли вы, Годвин, что мое бедное лицо сделается ангельским ликом?

– Я хотел быть уверенным в чем-нибудь. Во всяком случае, я хотел бы подвергнуть себя и вас такому испытанию.

– Подумайте о вашей душе, Годвин. Она может поблекнуть. Этой опасности вы не решитесь подвергнуть себя ради меня, правда?

Он задумался, потом ответил:

– Нет, ваша душа – часть моей, и поэтому я не хотел бы подвергнуться опасности, Розамунда.

– Мне мил этот ответ, – сказала она. – Да, милее всего, что вы говорили раньше, потому что в нем звучала правда. Вы вполне честный рыцарь, и я горжусь, очень горжусь вашей любовью, хотя, может быть, было бы лучше, если бы вы не полюбили меня.

И она слегка преклонила перед ним колено.

– Что бы ни случилось, перед лицом жизни или смерти, эти слова будут для меня счастьем, Розамунда.

Она порывисто схватила его за руку.

– Ах, что случится! Мне кажется, грядут великие события для вас и для меня. Вспомните, в моих жилах наполовину восточная кровь, а мы, дети Востока, чувствуем тень будущего раньше, чем оно налагает на нас свою руку и делается настоящим. Я боюсь того, что наступит, Годвин, повторяю, боюсь.

– Не бойтесь, Розамунда, зачем бояться? В руках Божьих лежит свиток наших жизней и Его намерений. Образы, которые мы видим, слова, которые мы угадываем, могут быть ужасны, но Тот, Кто начертал их, знает конец всего – знает, что этот конец – благо. Поэтому не бойтесь, читайте без смущения, не думая о завтрашнем дне.

Она с удивлением взглянула на него и спросила:

– Это речь жениха или святого в одежде мрачной? Не знаю. И знаете ли вы сами? Но вы сказали, что любите меня, что хотели бы обвенчаться со мной, и я верю вам, знаю я также, что женщина, которая сделается женой Годвина, будет счастлива, потому что таких людей очень мало. Но мне запрещено отвечать до завтра. Хорошо же, я отвечу в свое время. До тех пор будьте тем, чем были прежде... Снег перестал падать, проводите меня до дома, мой двоюродный брат Годвин.

В темноте, среди холода они направились домой, окруженные стонущим ветром, и, не говоря ни слова, вошли в большую переднюю залу, где посредине в очаге горел огонь и пламя с шумом взвивалось к отверстию в крыше, через которое выходил дым. Приятно было смотреть на огонь после зимней ночи.

Перед огнем стоял Вульф, жизнерадостный, как всегда, и веселый, хотя брови его были нахмурены. При виде брата Годвин повернулся к большой двери и, пробыв несколько мгновений в свете, снова исчез в темноте. За ним затворилась тяжелая створка. Розамунда подошла к очагу.

– Вы, кажется, озябли, кухня? – спросил Вульф, всматриваясь в ее лицо. – Годвин слишком долго задержал вас в церкви, попросив помолиться вместе с ним. Такая уж у него привычка! Я сам страдал от нее. Присядьте же, согрейтесь.

Розамунда молча повиновалась и, распахнув свой меховой плащ, протянула руки к пламени, которое играло на ее смуглом красивом лице. Вульф оглянулся. В комнате не было никого. Тогда он снова посмотрел на Розамунду.

– Я рад случаю поговорить с вами наедине, кухня, потому что мне нужно задать вам один вопрос. Но я должен попросить вас не отвечать мне на него, пока не пройдут двадцать четыре часа.

– Согласна, – сказала она. – Я уже дала одно такое обещание, пусть оно послужит для обоих. Теперь я жду вопроса.

– Ах, – весело произнес Вульф, – я рад, что Годвин пошел первый, так как это избавляет меня от необходимости говорить: ведь у него это получается лучше, чем у меня.

– Не знаю, Вульф, во всяком случае, у вас больше слов, чем у него, – с легкой улыбкой заметила Розамунда.

– Может быть, и больше, только другого качества, вот что вы хотите сказать. Но, к счастью, в настоящую минуту дело не касается слов.

– А чего же, Вульф?

– Сердец. Вашего сердца, и моего сердца, и, полагаю, сердца Годвина, если оно у него есть... В этом смысле.

– Почему же можно думать, что у Годвина нет сердца?

– Почему? Ну, видите ли, теперь я ради себя должен умалять достоинства Годвина, а потому объявляю, – хоть вы сами знаете это лучше, чем я, – что сердце Годвина похоже на сердце старого святого в хранилище реликвий в Стоунгейте, которое могло биться когда-то и, может быть, будет снова биться на небесах, но теперь мертво для всего земного.

Розамунда улыбнулась и подумала, что это мертвое сердце не особенно давно выказало признаки жизни, вслух же она только произнесла:

– Если вам нечего больше добавить о сердце Годвина, я пойду почитаю отцу, который ждет меня.

– Нет, нет, мне еще нужно сказать многое о моем собственном. – И Вульф внезапно сделался так серьезен, что все его большое тело задрожало. Стараясь заговорить, он только бормотал что-то несвязное. Наконец его мысли вылились в поток горячих слов.

– Я люблю вас, Розамунда, люблю! Я люблю все в вас. И всегда любил, хотя и не знал этого до дня... до того боя... И я всегда буду любить вас, и прошу вас быть моей женой... Я знаю, я грубый воин, с массой грехов, совсем не святой и не ученый, не то что Годвин... Но, клянусь, я буду всю жизнь вашим верным рыцарем; если святые даруют мне милость и силу, я совершу великие подвиги в вашу честь и буду хорошо охранять вас. О, что еще можно сказать?

– Ничего, Вульф, – Розамунда подняла на него опущенные глаза. – Вы не хотели, чтобы я ответила вам, поэтому я только благодарю вас. Да, от всего сердца, хотя, право, мне грустно, что мы не можем больше быть братом и сестрой, как все эти долгие годы... Теперь уходите.

– Нет, Розамунда, нет еще. Хотя вы ничего не можете говорить, вы могли бы знаком дать мне понять, что вы думаете. Я так мучаюсь и должен страдать до завтрашнего дня. Например, вы могли бы позволить мне поцеловать вашу руку... Ведь в договоре не говорилось о поцелуях.

– Я ничего не знаю о договоре, Вульф, – строго возразила Розамунда, хотя улыбка прокралась в уголки ее губ. – Во всяком случае, я не могу позволить вам дотронуться до моей руки.

– Тогда я поцелую ваше платье, – и, схватив уголок ее плаща, Вульф прижал его к своим губам.

– Вы сильны, Вульф, я слаба и не могу вырвать своей одежды из ваших рук, однако скажу вам, что этот поступок нисколько не поможет вам.

Плащ выпал из его пальцев.

– Простите. Я должен был помнить, что Годвин не зашел бы так далеко.

– Годвин, – сказала она, топнув ногой о пол, – дав обещание, держит его не только буквально, но и в душе.

– Думаю, что так. Видите, каково грешному человеку иметь братом и соперником святого. Нет, не сердитесь на меня, Розамунда, я не могу идти путями святых.

– Вам, Вульф, по крайней мере, незачем смеяться над теми, кто вступил на дорогу к совершенству.

– Я не насмехаюсь над ним. Я его люблю так же сильно... как вы. – И он пристально посмотрел ей в лицо.

Ее черты не изменились, потому что в сердце Розамунды крылись тайная сила и способность молчать, унаследованные ею от предков-аравитян, которые могут надевать непроницаемую маску на свое лицо.

– Я рада, что вы любите его, Вульф. Постарайтесь же никогда не забывать о своей любви и о долге.

– Так и будет; да, будет, даже если вы оттолкнете меня ради него.

– Какие черствые слова. Я не ждала их от вас, – мягко сказала она. – А теперь, дорогой Вульф, прощайте. Я устала...

– Завтра... – начал он.

– Да, – продолжила она своим волнующим низким голосом. – Завтра я обязана говорить, а вы должны меня слушать.

Солнце снова совершило свой кругооборот, снова время подошло к четырем часам пополудни. Два брата стояли подле огня, пылавшего в Холле, и с сомнением смотрели друг на друга; такими же взглядами они обменивались в часы ночи, в течение которой ни один не смыкал глаз.

– Пора, – произнес наконец Вульф.

Годвин кивнул головой.

В это время по лесенке из солара сошла служанка, и д'Арси без слов поняли, зачем она приближается к ним.

– Кто? – спросил Вульф; Годвин только покачал головой.

– Сэр Эндрью велел мне передать, что он желает поговорить с вами обоими, – объявила служанка и ушла.

– Клянусь святыми, мне кажется, не избран ни тот ни другой, – с отрывистым смехом произнес Вульф.

– Может быть, – сказал Годвин, – и, может быть, это будет лучше для всех нас.

– Не нахожу, – согласился Вульф, вслед за братом поднимаясь по ступенькам.

Они прошли по коридору и закрыли за собой дверь. Перед ними был сэр Эндрью; он сидел в своем высоком кресле перед камином. Подле него, положив руку на его плечо, стояла Розамунда. Годвин и Вульф заметили, что она была одета в свое нарядное платье, и у обоих в голове шевельнулась горькая мысль, что она надела роскошные уборы, желая показать им, как хороша девушка, которую они должны потерять. Подходя, молодые д'Арси поклонились сначала ей, а потом дяде. Розамунда, подняв опущенные глаза, слегка улыбнулась им в виде приветствия.

– Говори, Розамунда, – произнес ее отец. – Этих рыцарей мучит неизвестность, и они страдают...

– Теперь последний удар, – пробормотал Вульф.

– Двоюродные братья, – начала Розамунда низким спокойным голосом, точно отвечая заученный урок. – Я посоветовалась с отцом о том, что вы мне сказали вчера, с отцом и с моим собственным сердцем. Вы сделали мне большую честь, а я люблю вас с детства, как сестра братьев. Не буду говорить много, скажу только, что, к сожалению, я ни одному из вас не могу дать того ответа, которого он желает.

– Действительно решительный удар, – мрачно вымолвил Вульф. – Сквозь латы и кольчугу он попал прямо в сердце.

Годвин только побледнел больше прежнего и ничего не сказал.

Несколько мгновений стояла тишина, и старый рыцарь исподлобья смотрел на лица братьев, освещенные пламенем сальных свечей.

Наконец Годвин заговорил:

– Мы благодарим вас, кузина. Пойдем, Вульф, мы выслушали ответ.

– Не весь, – быстро перебила его Розамунда, и они снова вздохнули свободнее.

– Слушайте, – продолжала она. – Если угодно, я дам вам одно обещание, которое одобряет и мой отец. Ровно через два года в этот же самый день, если мы все трое будем еще живы и ваши намерения не изменятся, я скажу вам имя моего избранника и тотчас же обвенчаюсь с ним, чтобы никто не страдал больше...

– А если один из нас умрет? – спросил Годвин.

– Тогда, – ответила Розамунда, – я выйду замуж за другого, если он не посрамит своего имени и не совершит нерыцарского поступка.

– Извините меня, – начал Вульф, но, подняв руку, она остановила его и сказала:

– Вы находите, что я говорю странные вещи, и, может быть, вы правы. Но ведь все странно, и я в большом затруднении. Помните: вопрос идет о всей моей жизни, и я могу желать, чтобы мне дали время обдумать его решение. Ведь выбирать между такими двумя людьми, как вы, нелегко. Кроме того, мы все трое слишком молоды для брака. В течение двух лет я, может быть, узнаю, кто из вас наиболее достойный рыцарь.

– Итак, ни один из нас не значит для вас больше, чем другой? – прямо спросил Вульф.

Розамунда вспыхнула, говоря:

– Я не отвечу на этот вопрос.

– И Вульф не должен был задавать его, – вставил Годвин. – Брат, я понял Розамунду. Ей трудно сделать выбор между нами, а если она в сердце тайно уже и знает имя избранника, то по доброте своей не хочет нам показать этого и тем огорчить одного из нас. Вот почему она говорит: идите, рыцари, совершайте подвиги, достойные такой дамы, как я, и, может быть, тот, кто сделает величайшее деяние, получит великую награду. Я считаю ее решение мудрым и справедливым и подчиняюсь ему. Оно даже радует меня, ибо дает нам возможность показать нашей дорогой кузине и всем нашим товарищам, из какого теста мы сделаны, и случай постараться затмить друг друга подвигами, которые мы, как и всегда, будем совершать рука об руку.

– Хорошие мысли, – произнес сэр Эндрю. – Ну, что скажешь ты, Вульф?

Чувствуя, что Розамунда наблюдает за ним из-под тени своих длинных ресниц, Вульф ответил:

– Видит Небо, я тоже доволен. В течение двух лет мы оба можем пасть на войне, по крайней мере, в эти два года любовь к женщине не разделит нас. Дядя, прошу отпустить меня на службу к моему возлюбленному господину в Нормандию.

– Я прошу о том же, – сказал Годвин.

– Весной, весной, – поспешно возразил сэр Эндрю. – Тогда король Генрих двинет в бой свои силы. До тех же пор оставайтесь здесь. Кто знает, что еще случится. Может быть, ваши руки понадобятся нам, как это было недавно. Надеюсь, теперь я не услышу больше ничего о любви и браке, словом, речей, которые смущают мой ум. Не скажу, чтобы все устроилось согласно моему желанию, но так хотела Розамунда, и этого достаточно для меня. Теперь кончено. Розамунда, отпусти своих рыцарей; будьте все трое как братья и сестра, пока не окончится двухлетний срок. Тогда оставшиеся в живых узнают разрешение загадки.

Розамунда вышла вперед и, не говоря ни слова, подала правую руку Годвину, а левую Вульфу, и позволила им прижать губы к своим пальцам. Так на время окончилось сватовство братьев д'Арси.

IV. Продавец вина

Братья вышли из солара. Теперь в их жизни явилась новая цель, которая вселяла в них стремление совершать великие подвиги и достичь желанного конца. И у них на сердце было веселее, чем утром, в обоих горела надежда, для обоих открывалась будущность...

Когда молодые рыцари спустились со ступеней, они увидели высокого человека, по-видимому пилигрима, в низкой шляпе с полями, спереди загнутыми вверх, с пальмовым посохом в руке и с флягой для воды на веревочном поясе.

– Чего вы ищите, святой пилигрим? – спросил Годвин, подходя к нему. – Вы просите ночлега в доме дяди?

Паломник поклонился и, подняв на него свои темные, похожие на бисерины глаза, которые почему-то показались Годвину знакомыми, скромно ответил:

– Именно так, благородный рыцарь. Я прошу приюта для себя и для своего мула, который стоит у порога. А также мне хотелось бы видеть сэра Эндрью д'Арси, мне нужно передать ему кое-что.

– Мул? – удивился Вульф. – Я всегда думал, что пилигримы странствуют пешком.

– Это верно, сэр рыцарь, но со мной кладь. О, конечно, не мои собственные вещи – все мое достояние на мне. Нет, я везу ящик, в котором лежит что-то неизвестное мне. И его мне поручено передать сэру Эндрью д'Арси, владельцу замка Стипль, а в случае смерти этого рыцаря – леди Розамунде, его дочери.

– Поручено? Кем? – еще больше удивился Вульф.

– Это, сэр, – ответил пилигрим с поклоном, – я скажу сэру Эндрью, который, как я слышал, еще жив. Позволите ли вы мне внести ящик, а если позволите, не поможет ли мне один из ваших слуг – он очень тяжел.

– Мы сами поможем вам, – сказал Годвин.

Они втроем прошли во двор и там при слабом свете звезд увидели красивого мула, которого держал один из стипльских конюхов; на спине животного виднелся длинный ящик, оббитый полотном. Пилигрим отвязал его, взялся за один его конец, а Вульф, приказавший поставить мула в конюшню, поднял другой. Так они пошли в замок. Годвин двинулся впереди, чтобы предупредить дядю. Старик вышел из солара:

– Как вас зовут, пилигрим, и откуда этот ящик? – спросил он, пристально глядя на паломника.

– Мое имя, сэр Эндрью, – произнес тот с низким поклоном, – Никлас из Солсбери; кто же послал меня, я прошепчу вам на ухо.

Он наклонился к старому д'Арси и шепнул ему что-то. Сэр Эндрью отшатнулся, точно пронзенный стрелой.

– Как? – начал он. – Вы, святой пилигрим, посланец... – И он внезапно умолк.

– Он держал меня в плену, – ответил паломник, – и человек, который никогда не нарушает данного слова, даровал мне жизнь (я был приговорен к смерти), с тем чтобы я отнес вам это и вернулся к нему с вашим... или с ее ответом. И я поклялся исполнить его желание.

– С ответом? На что?

– Я ничего не знаю. Мне известно только, что в ящике лежит письмо, о его содержании мне не сообщили, ведь я только гонец, давший клятву исполнить данное мне поручение. Откройте ящик, милорд... И если у вас есть что-нибудь съестное... Я долго путешествовал...

Сэр Эндрью подошел к двери, позвал слуг, велел им накормить пилигрима и побыть с ним, пока он будет утолять голод. Потом сказал, чтобы Годвин и Вульф отнесли ящик в солар, захватив с собой молоток и долото. Братья исполнили его приказание и поставили свою ношу на дубовый стол.

– Откройте, – приказал старый д'Арси.

Братья распоролли полотно, под ним оказался ящик из незнакомого им дерева, окованный железом; им пришлось долго работать, прежде чем они подняли крышку. Наконец ее сняли; в ящике скрывалась шкатулка, сделанная из полированного черного дерева и запечатанная по краям странными печатями. На ней висел серебряный замок с серебряным же ключом.

– По крайней мере, видно, что ее не открывали, – заметил Вульф, осматривая целые печати, но сэр Эндрью только повторял:

– Откройте. Торопитесь. Годвин, возьмите ключ... У меня руки дрожат от холода.

Ключ легко повернулся в замке: печати сломались, крышка откинулась на петлях, и в ту же минуту комната наполнилась тонким ароматом. Под крышкой лежал продолговатый кусок расшитой шелковой материи, поверх ткани виднелся пергамент.

Сэр Эндрью оборвал нитку, которая сдерживала свернутый в трубку пергамент, снял с него печать и расправил лист, покрытый странными буквами. В шкатулке лежал и другой сверток, без печати, написанный на французском языке. В начале его стояла надпись:

Перевод письма на тот случай, если рыцарь сэр Эндрью д'Арси позабыл арабский язык или его дочь леди Розамунда не научилась владеть им.

Сэр Эндрью пробежал глазами эти строки и заметил:

– Нет, я не позабыл арабского языка; пока была жива моя леди, мы почти всегда говорили с ней на ее родном наречии и передали наши знания Розамунде. Но уже темно... Ты, Годвин, ученый, прочти мне французское письмо. После можно будет сличить рукописи.

В эту минуту из своей комнаты вышла Розамунда и, увидев, что ее отец и двоюродные братья заняты каким-то странным делом, спросила:

– Вам угодно, чтобы я ушла, отец?

– Нет, дочь моя, – ответил сэр Эндрью. – Останься. Мне кажется, это дело касается тебя столько же, сколько и меня. Читай, Годвин.

И Годвин прочел:

Во имя Аллаха, милосердного и сострадательного, я, Салах ад-Дин Юсуф ибн Айюб, повелитель верных, приказываю написать письмо, которое, запечатав собственной рукой, направляю к франкскому лорду, сэру Эндрью д'Арси, супругу моей сестры от другой матери, Зобейды, красивой и неверной, которой Аллах отомстил за ее грехи. Если он тоже умер, то к его дочери, моей племяннице по праву крови, принцессе Сири и Египта, которую англичане зовут леди Розой Мира.

Сэр Эндрью, помните ли, как много лет тому назад, когда мы были еще друзьями, вы,отягченный болезнью и неволей, познакомились с сестрой моей Зобейдой, как Сатана вложил в ее сердце желание слушать ваши слова любви и она сделалась поклонницей креста, обвенчалась с вами по франкскому обряду и бежала в Англию? Помните, что хотя я не мог в то время увезти ее с вашего корабля, я послал вам письмо, говоря в нем, что, рано или поздно, я вырву ее из ваших рук и поступлю с ней так, как поступают у нас с неверными женищинами? Через шесть лет до меня дошли верные вести, что Аллах взял ее к себе, а потому я оплакал мою сестру и ее судьбу и позабыл о ней и о вас.

Знайте, что рыцарь по имени Лозель, который живет в той части Англии, где стоит и ваш замок, сказал мне, что после Зобейды осталась красавица-дочь. Мое сердце, которое любило Зобейду, стремится теперь к этой никогда не виданной мной племяннице, потому что, хотя она и поклонница креста, вы (за исключением поступка с ее матерью) всегда были

храбрым и благородным рыцарем высокой крови, каким, насколько я помню, был и брат ваш, который пал в битве при Харенке.

Знайте теперь, что, достигнув по воле Аллаха высокого положения здесь, в Дамаске, и на всем Востоке, я желаю оказать вашей дочери честь и сделать ее принцессой моего дома. Я приглашаю ее приехать в Дамаск, а вместе с ней и вас, если вы еще живы. Кроме того, чтобы вы не боялись какого-нибудь обмана с моей стороны или со стороны моих наследников и советников, я именем Бога и словом Салах ад-Дина, еще никогда не нарушавшимся, обещаю вам не принуждать ее силой принять магометанство и не заставлять вступить в нежелательный для нее брак, хотя я и надеюсь, что милосердный Бог изменит ее сердце и она добровольно перейдет в нашу веру. Также я не буду мстить вам, сэр Эндрью, за ваш прошлый поступок, не потерплю, чтобы и другие причиняли вам зло; напротив, я подниму вас до высоких почестей и буду жить с вами в дружбе, как в былое время.

Если же мой гонец вернется и скажет, что моя племянница отказывается от этого предложения, предупреждаю: рука моя длинна, и я, конечно, достану ее.

Поэтому через год от того дня, в который я получу ответ леди, моей племянницы, называемой Розой Мира, мои посланцы явятся туда, где она будет жить, замужней или девицей, и привезут ее ко мне; если она согласится, то с почетом, а если не согласится – все-таки привезут. Теперь, в знак моей любви, я посылаю ей достойные ее дары и грамоту на титул принцессы и госпожи города Баальбека; этот титул и связанные с ним доходы и преимущества занесены в архивы моего государства и обязывают меня и моих преемников.

Мое письмо и дары доставит поклонник креста по имени Никлас. Ему же передайте и ваш ответ; он привезет его ко мне, так как дал клятву исполнить это и исполнит, зная, что если он нарушит данное слово, его постигнет смерть.

Подписано Салах ад-Дином, повелителем верных, в Дамаске, и запечатано его печатью в весеннее время года Хиджры 581.

Заметьте также следующее: раньше чем я подписал и запечатал это письмо, мне пришла мысль, что вы, сэр Эндрью, или вы, леди Роза Мира, можете найти странным, что я не жалею ни трудов, ни расходов ради девушки, не принадлежащей к моей вере, никогда не виданной мной, и усомнитесь в моей честности. Узнайте же истинную причину моего стремления увидеть ее: с тех пор как я услышал, что на свете живете вы, леди Роза Мира, один и тот же сон, посланный мне Богом, трижды посетил меня; в грезе я трижды видел вас. И этот сон означал, что клятва, которую я произнес после бегства вашей матери, перешла на вас; дальше, что каким-то путем, еще не открытым мне, ваше присутствие здесь удержит меня от пролития моря крови и избавит мир от несчастий и бедствий. Итак, вы должны приехать и остаться в моем доме. Да будут Аллах и его пророк свидетелями, что все это верно.

Годвин опустил письмо, и все с изумлением переглянулись.

– Ну, конечно, – промолвил Вульф, – кто-то захотел сыграть с нашим дядей недобрую шутку.

Вместо ответа сэр Эндрью приказал ему поднять шелковую ткань, которая закрывала вещи, спрятанные в шкатулке, и осмотреть их. Вульф исполнил его приказание и откинул голову назад, точно ослепленный внезапным светом: из ящика ярко сверкнули драгоценности. Красные, зеленые и синие лучи рассыпались во все стороны, посреди камней тускло горело золото и матовым светом переливались белые жемчужины.

– О, какая красота, – прошептала Розамунда.

– Да, – подтвердил Годвин, – это достаточно красиво, чтобы смутить женский ум и заставить его перестать отличать хорошее от дурного.

Вульф же ничего не сказал. Он молча вынимал из ящика сокровища: корону, жемчужное ожерелье, шейное рубиновое украшение, сапфировый пояс, драгоценные браслеты для щиколоток ног, покрывала сандалии, платья и другие одежды из лилового шелка, вышитого золотом. Между ними, тоже запечатанная печатями Салах ад-Дина, его визирей, сановников и секретарей, лежала грамота с титулами Баальбекской принцессы, с определением размера и границ ее обширных владений, с суммой ее неслыханно большого ежегодного дохода.

– Я ошибся, – произнес Вульф. – Даже восточный султан не мог бы позволить себе такой дорогой шутки.

– Шутка! – перебил его сэр Эндрью. – С первых же строк письма я понял, что это не шутка. Оно наполнено духом Салах ад-Дина, самого великого человека на земле, хотя он и сарацин; я, друг его юности, хорошо знаю это. Да, он прав. С его точки зрения, я погрешил против него, так же, как и его сестра, под влиянием нашей любви. Шутка? Нет, он не шутит; ночное видение, которое он считает голосом Бога, или слова звездочетов глубоко взволновали его великую душу, и это заставило его сделать такой странный шаг.

Он замолчал, потом поднял голову и продолжал:

– Знаешь ли ты, дитя, кем тебя сделал Салах ад-Дин? В Европе много королей, которые были бы рады приобрести титул принцессы Баальбека и роскошные земли близ Дамаска. Я знаю и замок, о котором он говорит. Это величавое строение на берегу Оронта, и после военного губернатора (потому что этой власти Салах ад-Дин не отдаст христианину) ты будешь первой во всей стране. Печать Салах ад-Дина – самый верный залог в мире. Скажи, хочешь ты туда уехать и царить там?

Розамунда посмотрела на сверкающие драгоценности, на пергамент, который давал ей царское достоинство, и ее глаза вспыхнули, а грудь поднялась, как тогда, подле церкви на эссекском берегу. Все наблюдали за ней; она трижды посмотрела на привлекательные вещи, потом отвернулась, точно от великого искушения, и ответила только:

– Нет.

– Хорошо сказано, – удовлетворенно заключил сэр Эндрью, знавший ее характер и стремления. – Но если бы ты ответила не «нет», а «да», ты отправилась бы одна. Дай мне чернила и пергамент, Годвин.

Принесли то и другое. Старик написал:

Султану Салах ад-Дину от Эндрью д'Арси и его дочери Розамунды.

Мы получили Ваше письмо и отвечаем, что останемся там, где живем, и сохраним то положение, которое Господь даровал нам. Тем не менее мы благодарим Вас, султан, потому что считаем Вас честным, и желаем Вам всякого добра и удачи во всем, за исключением Ваших войн против креста. А Ваши угрозы постараемся разбить. Зная обычаи Востока, мы не отсылаем Вам обратно Ваших даров, потому что, сделав это, мы нанесли бы оскорбление одному из величайших людей во всем мире; но если Вы пожелаете

*потребовать их обратно, они Ваши, а не наши. Ваше сновидение мы считаем
пустой ночной грезой, о которой мудрый человек забыл бы.
Ваш слуга и Ваша племянница*

Под этими строками сэр Эндрью поставил свое имя, вслед за ним подписалась Розамунда, пергамент свернули, окружили шелковой материей и запечатали.

– Теперь, – сказал старик, – спрячьте все это богатство, потому что если люди узнают, что мы храним такие сокровища, все воры Англии посетят нас, и, думаю, в числе их окажутся люди с громкими именами.

Они сложили вышитые золотом одежды, бесценные золотые вещи и камни обратно в ларец, заперли его и поставили в окованный железом сундук, который стоял в спальне старого д'Арси.

Когда все было окончено, сэр Эндрью обратился к молодым людям:

– Теперь выслушайте меня, Розамунда, и вы тоже, племянники. Я никогда не рассказывал вам, как сестра Салах ад-Дина, Зобейда, дочь Айюба, впоследствии обращенная в нашу веру под именем Марли, стала моей женой. Но вы должны узнать все, хотя бы для того, чтобы увидеть, как сделанное зло обращается против человека. После того как великий Нур ад-Дин взял Дамаск, Айюб сделался губернатором этого города, потом, двадцать три года тому назад, был занят Харенк, и при этом пал мой брат. Во время битвы меня ранили, взяли в плен, отвезли в Дамаск и поместили во дворце Айюба, где со мной обходились хорошо. И пока я лежал больной, я подружился с молодым Салах ад-Дином и с его сестрой Зобейдой, которую позже тайно встречал в садах дворца. Остальное легко угадать, хотя я и был вдвое старше ее... Она любила меня так же, как я любил ее, и ради любви предложила переменить веру и бежать со мной в Англию, если представится удобный случай, что трудно было предполагать.

Случайно у меня был друг, таинственный человек по имени Джебал, молодой шейх ужасного племени, страшные обряды которого непонятны для христиан. Эти люди – подданные персиянина Магомета – живут в замках в Ливанских горах. Джебал был в союзе с франками, и как-то раз во время битвы я, рискуя жизнью, спас его от сарацин; тогда он поклялся, что если я когда-нибудь призову его к себе на помощь, он явится с края земли. В знак этого Джебал подарил мне свое кольцо-печать. Чудный перстень, по его словам, мог дать власть, равную его собственной, в его владениях, хотя я никогда не посещал их. Вы знаете это кольцо, – прибавил сэр Эндрью и, протянув руку, показал тяжелый золотой перстень с черным камнем, по которому бежали красные жилки, расположенные в форме кинжала; под кинжалом были вырезаны неизвестные буквы.

– В тяжелую минуту я подумал о Джебале и нашел возможность послать ему письмо, запечатав этим перстнем. Он не забыл о своем обещании: через двенадцать дней мы с Зобейдой мчались к Бейруту на двух таких быстроногих конях, что все всадники Айюба не могли догнать их. Мы доехали до этого города и обвенчались там. Розамунда, там же твоя мать приняла христианство. Нам нельзя было оставаться на Востоке, и мы сели на корабль, который благополучно донес нас до дому. Я увез с собой кольцо Джебала, не отдав его слугам этого человека; я хотел вручить его только ему лично. Перед отходом корабля посланец, переодетый рыбаком, принес мне письмо от Айюба и его сына Салах ад-Дина, в нем они клялись, что все же вернут к себе Зобейду, дочь одного и сестру другого.

Вот вся правда. Вы видите, что они не забыли данной клятвы, хотя, узнав впоследствии о смерти моей жены, ничего не предприняли. С тех пор Салах ад-Дин, который во времена дружбы со мной был только благородным юношей, стал величайшим султаном, когда-либо царившим на Востоке, и, узнав о тебе, Розамунда, от предателя Лозеля, он хочет взять тебя к себе вместо твоей матери... И, дочь моя, откровенно сознаюсь, что мне страшно за тебя.

– Ну, по крайней мере, у нас есть еще год или больше. За это время мы можем приготовиться или скрыться, – сказала Розамунда. – Паломник не скоро доберется на Восток к Салах ад-Дину.

– Да, – согласился сэр Эндрью, – может быть, у нас есть еще год.

– А это нападение на молу? – спросил задумчиво сидевший Годвин. – Там упоминали о Лозеле... Однако, если в это нападение был замешан султан, странно, что удар был нанесен раньше, чем пришли письма.

Сэр Эндрью задумался, потом приказал:

– Приведите сюда пилигрима, я хочу расспросить его.

Никласа, который все еще ел, точно не мог утолить своего голода привели в комнату. Он низко поклонился старому рыцарю и Розамунде, в то же время окидывая острым взглядом старика, молодую девушку, потолок, пол и всю обстановку комнаты. Казалось, его хитрые глаза все замечали, все видели.

– Издалека принесли вы мне письмо, сэр пилигрим по имени Никлас, – обратился к нему старый д'Арси.

– Я привез вам ящик из Дамаска, сэр рыцарь, но совсем не знаю, что было там. По крайней мере, вы сами можете засвидетельствовать, что до него никто не дотронулся, – ответил Никлас.

– Странно, – продолжал старый рыцарь, – что человек в вашем священном платье сделан избранным гонцом Салах ад-Дина, до которого христианам мало дела.

– Но Салах ад-Дину много дела до христиан, сэр Эндрью, а потому он даже в мирное время берет их в плен, как это случилось и со мной.

– Значит, он взял в плен и рыцаря Лозеля?

– Рыцаря Лозеля? – переспросил пилигрим. – Лозель – высокий краснолицый человек с рубцом на лбу, который всегда носил черный плащ поверх кольчуги?

– Может быть.

– Тогда его не взяли в плен; он просто приехал в Дамаск навестить султана в то время, когда я был там. Я видел его два или три раза, хотя не знаю, зачем он приезжал. Потом он исчез, и в Яффе я слышал, что он отплыл в Европу на три месяца раньше меня.

Братья переглянулись. Итак, Лозель был в Англии! Но сэр Эндрью только произнес:

– Расскажите мне, что было с вами, но говорите правду.

– Зачем я буду выдумывать? Ведь мне нечего скрывать, – начал свое повествование Никлас. – Когда я шел паломником к Иордану, меня захватили арабы и, увидев, что я не богат, хотели меня убить. Да, я погиб бы, если бы мимо не проходили воины Салах ад-Дина и не приказали разбойникам передать меня им в руки. Арабы повиновались, и воины отвезли меня в Дамаск. Там меня держали в плену, но не строго, и вот тогда-то я и видел Лозеля, или, по крайней мере, христианина, носившего его имя. Казалось, он был в милости у сарацин, а потому я попросил его заступиться за меня. Позже меня отвезли ко двору Салах ад-Дина. Расспросив меня, султан сказал, что я должен поклониться лжепророку, в противном случае меня казнят; вы угадываете мой ответ. Меня увели, я думал, на смерть, но никто не причинил мне вреда.

Через три дня Салах ад-Дин снова послал за мной и обещал даровать мне жизнь, если я дам ему клятву отвезти одну вещь вам или вашей дочери, леди Розамунде, в замок Стипль в Эссексе и привезти ваш ответ в Дамаск. Мне не хотелось умирать, и я согласился исполнить его повеление, если султан даст мне слово оставить меня в живых и освободить; я знал, что он никогда не нарушает обещаний.

– А теперь, когда вы благополучно достигли Англии, вы думаете вернуться в Дамаск с ответом? И если думаете, то почему? – спросил старый д'Арси.

– По двум причинам, сэр Эндрью. Прежде всего, я поклялся сделать это и так же, как Салах ад-Дин, не нарушу данного слова. Во-вторых, мне все еще хочется жить, а за наруше-

ние клятвы султан обещал покарать меня смертью, найти, где бы я ни был. О, я уверен, что волшебством или иным способом он может это сделать. Ну, мне остается досказать немного. Мне вручили ящик в том виде, как я привез его к вам, дали достаточно денег для путешествия туда и обратно, и даже больше, чем надо. Потом меня проводили до Яффы, где я взошел на корабль, который направлялся в Италию. Там я сел на другой корабль, под именем «Святая Мария», плывший в Кале, и мы достигли этой гавани, хотя перед тем буря чуть не выбросила нас на берег. Из Кале до Дувра я плыл в рыбацкой лодке, высадился на сушу неделю тому назад, купил себе мула, пристал к обществу путешественников, направлявшихся в Лондон, и наконец приехал сюда.

– А как вы будете путешествовать обратно?

Пилигрим пожал плечами:

– Постараюсь как можно лучше и как можно скорее вернуться в Дамаск. Ваш ответ готов, сэр Эндрью?

– Да, вот он.

И старик передал ему свиток. Никлас спрятал его в складки своего широкого плаща.

– Вы говорите, что вам ничего не известно о том деле, в котором вы замешаны? – задал ему еще один вопрос сэр Эндрью.

– Ничего, или, вернее, вот что: офицер, который провожал меня до Яффы, сказал, что ученые доктора и придворные прорицатели волнуются из-за одного сновидения, которое трижды возвращалось к султану. В грезах ему явилась дама, в жилах которой отчасти течет кровь Айюба, отчасти кровь английская, и все говорят, будто поручение, данное мне, касается ее. Теперь я вижу, что глаза благородной дамы, которая стоит передо мной, необыкновенно похожи на глаза султана Салах ад-Дина.

Он замолчал.

– Мне кажется, вы видите очень много, друг Никлас, – заметил старый д'Арси.

– Сэр Эндрью, – согласился паломник, – бедный пилигрим, который не хочет, чтобы ему перерезали горло, должен смотреть во все глаза. Но я хорошо поел и устал. Не найдется ли у вас местечка, где бы я мог поспать? На заре мне нужно уйти, потому что люди, исполняющие поручения Салах ад-Дина, не смеют медлить, а ваше письмо уже в моих руках.

– Место для ночлега найдется. Вульф, – обратился сэр Эндрью к племяннику, – уложи гостя, а завтра перед его отъездом мы снова поговорим. Пока до свидания, святой Никлас!

Снова бросив испытующий пронизательный взгляд, пилигрим поклонился и ушел вместе с Вульфом. Когда за ними закрылась дверь, сэр Эндрью знаком подозвал Годвина и шепнул:

– Завтра возьми несколько человек и проследи за Никласом, чтобы узнать, куда он направится и что будет делать; говорю тебе, я ему не верю... Да, я очень боюсь его. Такие путешествия к султану и от султана – странное дело для христианина. И, хотя он говорит, что от этого зависит его жизнь, мне кажется, честный пилигрим, приехав в Англию, остался бы на родине, потому что первый встречный священник освободил бы его от клятвы, которую неверный силой вырвал у него.

– Будь он бесчестен, он, вероятно, украл бы эти драгоценности, – заметил Годвин. – Разве они не стоят того, чтобы из-за них подвергаться опасности? Как вы думаете, Розамунда?

– Я? – переспросила она. – О, мне кажется, все это имеет большее значение, чем вы полагаете. Мне кажется, – продолжала она голосом, полным печали, и невольно слегка заламывая руки, – что для этого дома и для всех, кто в нем живет, времена насыщены смертью, а этот пилигрим с пронизательными глазами – ее вестник. Какая странная судьба окутывает всех нас! Меч Салах ад-Дина высекает ее; рука Салах ад-Дина лишает меня моего скромного положения, возносит на высоту, к которой я не стремилась. А сны Салах ад-Дина, к роду которого я принадлежу, перевивают мою жизнь с кровавой политикой Сирии, с бесконечной войной между крестом и полумесяцем, составляющим мое наследие!

И, сделав печальное движение рукой, Розамунда ушла.

Старик посмотрел вслед дочери и горестно признал:

– Она права. Готовятся великие события, и каждый из нас примет в них участие. Из-за безделицы Салах ад-Дин не стал бы так волноваться, тем более, я знаю, он готовится к последней борьбе, во время которой будет опрокинут или крест, или полумесяц. Но на челе Розамунды блистает венец полумесяца дома Айюбова, а на ее сердце висит черный крест христианина, вокруг же нее кипит борьба верований и племен! Как, это ты, Вульф? Разве он уже заснул?

– Как собака; кажется, он очень устал с пути.

– Может быть, он спит, как собака, открыв один глаз? Я не хотел бы, чтобы он убежал от нас ночью, я желаю потолковать с ним о многом, как я уже сказал Годвину, – заметил старый д'Арси.

– Не бойтесь, дядя, дверь конюшни я закрыл на ключ, а святоша пилигрим вряд ли пода-рит нам такого мула, – ответил Вульф.

– Конечно нет, если я не ошибаюсь в характере подобных людей, – согласился сэръ Энд-рю. – Поужинаем, потом отдохнем. Мы в этом очень нуждаемся.

На следующее утро Годвин и Вульф поднялись за час до зари, вместе с ними встали и доверенные слуги, которых накануне предупредили, что они понадобятся. Вскоре Вульф с зажженным фонарем в руке подошел к камину в нижней зале; у огня грелся его брат.

– Где ты был? – спросил Годвин. – Ты ходил будить пилигрима?

– Нет, я поставил караульного на дороге к горе Стиплъ, а другого – на тропинке к заливу, потом задал корма мулу. Прекрасное это животное, слишком хорошее для паломника. Он, вероятно, скоро тронется в путь, так как сказал, что ему надо проснуться рано.

Годвин кивнул головой, и оба усадились на скамейку подле камина. Стояла холодная погода. Они задремали и не просыпались до рассвета. Потом Вульф встал, стряхнул с себя сонливость со словами:

– Он не сочтет невежливостью, если мы теперь поднимем его, – подойдя к краю залы, он отдернул занавес в нише. – Проснитесь, святой Никлас, проснитесь! – крикнул он. – Вам пора прочитать молитвы, а скоро приготовят и завтрак.

Но Никлас не ответил.

– Право, – проворчал Вульф, возвращаясь за своим фонарем, – этот пилигрим спит, точно Салах ад-Дин уже перерезал ему горло.

Он засветил фонарь и снова подошел к нише гостя.

– Годвин, – вдруг вскрикнул Вульф, – иди сюда, он ушел!

– Ушел? – повторил Годвин, подбегая к занавеси. – Куда?

– Я думаю, обратно, к своему другу Салах ад-Дину. Видишь?

И Вульф указал на широко открытый ставень в чуланчике и на дубовый стул под ним. С его помощью Никлас поднялся на подоконник и проскользнул в узкое окошко.

– Вероятно, он чистит и кормит мула, которого ни за что не оставил бы, – предположил Годвин.

– Честные гости так с хозяевами не расстаются, – заметил Вульф, – но пойдем посмотрим.

Они побежали к конюшне; она была заперта, мул благополучно стоял в ней; хотя они пристально всматривались, им не удалось найти каких-нибудь следов пилигрима, хотя бы отпечатка ноги на изморози. Только осматривая дверь конюшни, братья увидели следы попытки поднять засов каким-то острым инструментом.

– Очевидно, он твердо решил уйти, – сказал Вульф. – Но, может быть, нам все-таки удастся его поймать, – он приказал слугам оседлать лошадей и ехать вместе с ними обыскивать местность.

Битых три часа скакали они взад и вперед, но нигде не увидели Никласа.

– Мошенник ускользнул, как ночной коршун, и, точно птица, не оставил следов, – сказал Вульф старому д'Арси. – Ну, дядя, как вы думаете, что это значит?

– Я знаю только, – тревожно ответил старик, – что все это – одно к одному; и мне не нравится, что ценность мула не остановила его: ему было важно только бежать так, чтобы никто не мог проследить за ним или узнать, куда он отправился. На нас наброшена сеть, племянники, и я думаю, что концы ее держит в руках Салах ад-Дин. Еще более был бы недоволен сэр Эндрью, если бы он видел, как пилигрим Никлас полз вокруг замка, пока все спали, а потом подобрал свое длинное одеяние и, как заяц, побежал по направлению к Лондону. Он спешил, при свете ярких звезд замечая каждое окошко замка, в особенности окна солара; запомнил он также расположение пристроек и поворот на тропинку, ведущую к заливу Стиплъ.

С этого дня в старый дом вошел страх – опасение перед каким-то ударом, которого никто не мог предвидеть, от которого никто не мог защититься. Сэр Эндрью поговаривал даже о переселении в Лондон, где, как он думал, они были бы в большей безопасности, но дурная погода сделала дороги непроезжими, еще менее можно было думать о путешествии по морю. Итак, было решено, что если они и двинутся в путь (а многое говорило против этого плана, и между прочим, слабость здоровья сэра Эндрью и отсутствие дома в Лондоне, в котором они могли бы поместиться), то лишь после Нового года.

Так шло время. Старый рыцарь посоветовался с некоторыми из своих соседей и друзей, но те посмеялись над его предчувствиями, говоря, что, пока д'Арси не будут путешествовать без оружия, вряд ли на них снова нападут. В случае же нападения на старый замок рыцарь и его племянники с помощью своих людей могли выдержать осаду до появления окрестных жителей.

Теперь д'Арси ночью ставил стражу, с некоторых пор двадцать вооруженных людей спали в замке. Кроме того, было условлено, что когда на башне стипльской церкви загорится сигнальный костер, соседи явятся на помощь.

Перед Рождеством погода изменилась, ветер стих и наступили большие морозы.

В самый короткий день года в замок приехал приор Джон и сказал, что он едет в Соусминстер, чтобы закупить вина для рождественских праздников. Сэр Эндрью спросил, какое вино в Соусминстере, а приор ответил, что ему говорили, будто в реку Кроуч зашел корабль, нагруженный разными товарами, и среди всего прочего изумительным кипрским вином, и остался в устье, так как его руль был сломан. Он прибавил, что до Рождества нельзя было найти корабельных плотников, а потому главный распорядитель, который заведовал вином, по дешевой цене распродавал его в Соусминстере и в окрестных домах, рассылая бочонки в нанятых телегах.

Сэр Эндрью ответил, что это прекрасный случай достать хороший напиток, который в те времена редко привозили в Эссекс. И он попросил Вульфа, отлично знавшего толк в винах, отправиться с приором в Соусминстер и, если ему понравится вино, купить несколько бочонков, чтобы повеселиться на Рождество, хотя он, старый Эндрью, по болезни пил только воду.

Вульф поехал без всякого неудовольствия. В это мертвое время рода, когда нельзя было ловить рыбу, он скучал, бродя вокруг замка (молодой человек не любил читать, как Годвин), или, сидя по вечерам подле камина, смотрел, как Розамунда ходит по комнате, почти не разговаривая с ней. Ведь несмотря на то что все делали вид, будто забыли о происшедшем, словно какая-то завеса точно упала между двумя братьями, и Розамундой и их обращение перестало быть таким открытым и простым, как прежде. Она не могла не вспоминать, что они были теперь не только ее двоюродными братьями, но и влюбленными, что ей нужно следить за собой и не выказывать своего предпочтения одному из них.

Со своей стороны и братья тоже помнили, что они обязаны скрывать свою любовь к ней, а также что она не только знатная англичанка, но по рождению, по крови и титулу принцесса Востока, которую судьба могла поднять гораздо выше их обоих.

И, как уже сказано, страх воцарился под этой крышей; точно мрачно каркающий ворон, обитал он в Стипле, и никто не мог спастись от тени его зловещих крыльев. Далеко-далеко на востоке могучий властелин обратил мысли к этому английскому дому и к девушке царской крови, жившей в нем, к девушке, связанной с его видениями и мечтами о торжестве его веры. Увлеченный не просто клятвой, не желанием или фантазией, но духовной надеждой, он решил привлечь ее к себе, если можно – честным и мирным путем, если нет, то хотя бы и нечестным. И честное и нечестное средства не приблизили его к цели, но битва у бухты Смерти, конечно, имела отношение к его желаниям, в этом никто уже больше не сомневался. Было ясно также, что Салах ад-Дин будет повторять такие попытки до тех пор, пока не добьется своего цели или пока Розамунда не умрет, так как даже брак не мог бы защитить ее.

У всех в доме были печальные лица, и грустнее всех выглядел сэр Эндрью, которого ожидали недуги, воспоминания и опасения. Вот почему Вульф был доволен, что его послали в Соусминстер за вином, к тому же он с наслаждением думал, что, выпив его, на время освободится от тяжких дум.

Он ехал с приором по горной дороге и смеялся, как бывало до того дня, в который Розамунда отправилась с ним и с Годвином к церкви святого Петра за цветами.

Они спросили, где живет купец-иностранец, продававший вино, и их направили в гостиницу близ монастыря. В задней комнате между двумя бочонками на подушке сидел невысокий плотный человек в красной суконной феске. Перед ним стояла маленькая группа людей, дворян и простолюдинов, которые пробовали его вино и рассматривали шелковые ткани и вышивки.

– Чистые кубки, – на ломаном французском языке сказал купец приказчику, который стоял подле него. – Чистые кубки; я вижу, к нам подходят святой человек и храбрый рыцарь, и они, конечно, захотят отведать вина. Нет, нет, наливай доверху, на вершине горы зимой не так холодно, как в этом проклятом месте, уж не говоря о сырости, которая напоминает тюрьму. – И он вздрогнул и плотнее закутался в свою драгоценную шаль. – Сэр аббат, какого вина хотите вы попробовать раньше, красного или белого? Красное крепче, а белое дороже, сущий напиток для святых в раю и для монастырских настоятелей на земле. Вы говорите, что белое вино киренийское? Да, да, вы мудры. Говорят, моя покровительница, святая Елена, любила пить его, когда она навестила Кипр и привезла с собой знаменитый крест.

– Значит, вы христианин? – спросил приор. – Я принял вас за последователя лжепророка.

– Разве я приехал бы в вашу туманную страну продавать вино, напиток, запрещенный мусульманам, если бы я не был христианином? – ответил купец, раздвигая складки своей шали и показывая серебряное распятие, которое блестело на его широкой груди. – Я купец из кипрского города Фамагусты. Мое имя Георгий, и я принадлежу к греческой церкви, которую вы, люди Запада, считаете еретической. Но что вы скажете о вине, старый аббат?

Аббат прищелкнул языком.

– Брат Георгий, это действительно напиток святых, – заметил он.

– Да, а до сих пор его пили грешники; ведь именно им и наслаждались Клеопатра, царица египетская, и римлянин Антоний, о котором вы, как человек ученый, могли слышать. А вы, сэр рыцарь, что скажете о темном напитке? Мы зовем его «мавро». Это вино необыкновенное, оно простояло в бочонке двадцать лет.

– Я пивал худшее, – сказал Вульф и снова протянул свой рог, чтобы его наполнили.

– И если будете жить так долго, как вечный жид, не отведаете лучшего. Итак, сэры, купите ли вы вина? Если вы благоразумны, то запасетесь большим его количеством, потому что вряд ли вам когда-нибудь представится такой хороший случай, а это вино, белое ли, красное ли, продержится целое столетие.

Тут поднялся торг, и продолжался он долго. В какой-то момент англичане уже совсем собрались уйти, не купив ничего, но виноторговец позвал их обратно и предложил уступить

им вино по их цене, если они согласятся взять столько бочонков, чтобы это составило полный груз телеги; он обещал доставить его ко дню Рождества. Наконец д'Арси и Джон согласились на это, довольные тем, что продавец, по восточному обычаю, поднес им подарки. Приору он дал сверток аграманта, который можно было употребить на отделку для алтарного покрывала или хоругви, Вульф – оливковую рукоятку в виде ползущего льва. Вульф поблагодарил его и, немного смущаясь, спросил, есть ли у него еще вышивки на продажу. Услышав это, приор улыбнулся, быстроглазый киприот подметил его улыбку и спросил, нужна ли вышивка для дамской одежды; тут окружающие громко рассмеялись.

– Не смейтесь надо мной, джентльмены, – обратился к присутствующим купец, – как могу я, иностранец, знать дела этого молодого рыцаря? Могу ли сказать, есть ли у него мать, сестры, жена или невеста? Для всех у меня найдутся вышивки.

Он приказал слуге принести сверток, открыл его и начал выкладывать товары, действительно замечательно красивые. Наконец Вульф выбрал для рождественского подарка Розамунде покрывало из легкого шелкового газа, покрытого вышитыми золотыми звездами. Потом, вспомнив, что даже в таком деле он не должен пользоваться преимуществами перед Годвином, взял также тунику, вышитую золотыми и серебряными цветами, никогда не виданными им, потому что это были восточные тюльпаны и анемоны. Ее он решил передать Годвину, чтобы тот, когда захочет, сделал подарок двоюродной сестре.

Эти шелковые материи были очень дороги, и Вульф попросил у приора денег взаймы, но старый Джон уже истратил все, что у него было. Тогда виноторговец Георгий сказал, что он возьмет в городе проводника, сам привезет вино в замок и тогда получит плату за вышивки, надеясь продать еще какой-нибудь товар знатым дамам.

Он предложил также провести приора и Вульфа к устью реки, в котором стоял корабль, и показать им товары, бывшие, по его словам, собственностью компании кипрских купцов, которые пустились в странствия вместе с ним. Они отказались, так как уже подходил вечер. Зато Вульф сказал, что после Рождества он, вероятно, вернется в Соусминстер с братом, чтобы осмотреть судно, которое совершило такое длинное плавание. Георгий ответил, что он с удовольствием принял бы у себя рыцарей, но что, вероятно, руль поправят очень скоро, так как ему хочется отплыть в Лондон, пока стоит спокойная погода, с целью продать в столице главную часть своего груза. Он прибавил, что думал провести Рождество в Лондоне, но что из-за порчи руля ветер пронес их мимо устья Темзы, и, не войдя корабль в реку Кроуч, они, вероятно, погибли бы. И он простился со своими покупателями, предварительно испросив у приора благословение.

Аббат Джон и Вульф уехали, очень довольные своей покупкой и Георгием, который казался им приветливым и любезным купцом. В этот вечер приор поужинал в замке и за столом вместе с Вульфом рассказал о купце. Сэр Эндрью смеялся, доказывая, что житель Востока заставил их купить гораздо больше вина, чем им было нужно, и что таким образом в выгоде остались не они, а Георгий. Потом пустился в рассказы о богатом острове Кипре, на котором побывал за много лет перед тем, о пышном дворе кипрского императора, о богатстве граждан. По его словам, уроженцы Кипра были самыми хитрыми и ловкими купцами на свете, такими осторожными, что ни один еврей не мог обойти их, а также отличными мореплавателями, унаследовав свое искусство от финикийцев, наконец, он прибавил, что все рассказанное о купце Георгии соответствовало характеру этого народа.

Таким образом, в умах обитателей Стипля не зародилось ни малейшего подозрения относительно киприота и его корабля, и в этом не было ничего странного, так как его история казалась вполне правдоподобной и причина его пребывания в Соусминстере была ясна и проста.

V. Рождественский праздник в Стипле

Через четыре дня после поездки Вульфа в Соусминстер наступило рождественское утро. Стояла дурная погода, а потому ни сэр Эндрью, ни кто-либо другой из его домашних не поехал в Стоунгейт, все присутствовали на мессе в церкви Стипля. Тут после богослужения старик по обычаю раздал своим арендаторам мелкие деньги и пожелал им счастья, предупредив, чтобы они не напивались в этот день, как это часто случалось в те времена.

– А вот нам и не представится случай напиться, – заметил Вульф по дороге в замок, – ведь этот купец Георгий не доставил нам вина, которого мне так хотелось выпить сегодня вечером.

– Может быть, он продал его кому-нибудь дороже, это часто делают его соотечественники, – с улыбкой ответил сэр Эндрью.

Они вошли в переднюю залу, и тут оба брата, по взаимному соглашению, поднесли свои рождественские подарки Розамунде. Она мило поблагодарила обоих и, рассматривая красивые вышивки, восхищалась ими. Когда ей сказали, что за материю еще не заплачено, она засмеялась и ответила, что, как бы они ни добыли тунику и покрывало, она наденет их вечером.

Около двух часов пополудни в комнату вошел слуга и сказал, что прибыла телега, запряженная тремя лошадьми и в сопровождении двух человек.

– Это наш виноторговец, он все-таки приехал вовремя, – сказал Вульф и побежал к нему навстречу; остальные пошли за ним.

Действительно, это был Георгий, завернувшийся в большой овчинный плащ, какие киприоты носят зимой, и сидевший на одном из своих бочонков.

– Простите, рыцари, – произнес он, спускаясь на землю. – У вас такие дороги, что хотя я оставил почти половину своего груза в Соусминстере, мне пришлось ехать сюда четыре часа от аббатства, и большую часть этого времени мы провели в глубоких рытвинах, которые страшно утомили лошадей и, как я боюсь, испортили колеса. Но все же мы наконец здесь, и, благородный лорд, – прибавил он, кланяясь сэру Эндрью, – с нами то вино, которое ваш сын купил у меня.

– Мой племянник, – поправил его старик.

– Еще раз прошу прощения. Судя по сходству с вами, я думал, что эти рыцари – ваши сыновья.

– Он купил все это вино? – спросил сэр Эндрью, потому что на телеге было пять бочек, не считая двух или трех бочонков меньшей величины, и несколько свертков, упакованных в овчину.

– Нет, к сожалению, – печально ответил купец и пожал плечами. – Только два бочонка «мавро». Все остальное я везу в аббатство, так как, насколько я понял, святой приор купил шесть бочек, хотя оказалось, что ему были нужны только три.

– Да, он сказал «три», – вставил Вульф.

– Да, сэр. Тогда, конечно, я ошибся, ведь я так плохо говорю на вашем языке. Итак, мне придется тащить остальное вино по этим проклятым дорогам, – и он сделал гримасу. – Однако я попрошу вас, сэр, – прибавил купец, обращаясь к сэру Эндрью, – немного уменьшить груз, приняв в подарок от меня этот небольшой бочонок старого сладкого вина из лоз, которые растут на откосах горы Троодос.

– Я хорошо помню его, – улыбнулся сэр Эндрью. – Но, друг, я не хочу брать вина без платы.

– Как, благородный сэр, – воскликнул Георгий, и его лицо засияло, – вы знаете мою родину, Кипр? О, я целую вашу руку и прошу вас не обижать меня отказом от этого маленького дара. Право, говоря откровенно, я могу понести эту небольшую потерю, потому что хорошо торговал повсюду, даже здесь, у вас в Эссексе.

– Как вам угодно, – согласился сэр Эндрью. – Благодарю вас... А скажите, у вас на продажу есть что-нибудь еще?

– Да, конечно, вышивки; может быть, эта милостивая леди пожелает взглянуть на них? Есть и ковры, на которых, бывало, мусульмане молились своему лжепророку Магомету. – И, отвернувшись, он плюнул на пол.

– Вижу, что вы христианин, – с удовлетворением отметил сэр Эндрью. – А все-таки, хотя я бился с ними, но знал многих очень хороших магометан. И я не считаю нужным плевать при имени Магомета. Я нахожу, что он был великий человек, обольщенный хитрыми уловками Сатаны.

– Я тоже, – задумчиво поддержал дядю Годвин. – Истинные слуги креста должны сражаться с его врагами и молиться за их души, а не плевать на них.

Виноторговец с любопытством посмотрел на старика и Годвина, играя серебряным крестом, который висел на его широкой груди.

– Завоеватели святого города думали иначе, – возразил он, – когда они ехали к мечети аль-Акса и их лошади до колен утопали в крови³; меня тоже учили другому. Но теперь настали времена свободы, и, в конце концов, имеет ли право бедный торговец, ум которого, к сожалению, больше занят барышами, чем страданиями благословенного сына Марии, – тут он перекрестился, – судить о таких высоких вопросах? Простите меня, я принимаю ваш упрек, так как, может быть, я слишком набожен.

А между тем этот «упрек» в тот же вечер спас жизнь многих людей.

– Могу я попросить, чтобы мне помогли справиться с этими свертками? – обратился к д'Арси Георгий. – Так как я не могу развернуть их здесь, а также увезти бочки. Нет, маленький бочонок я отнесу сам, надеясь, что вы отведаете из него вина во время рождественского пира. С ним нужно обращаться осторожно; впрочем, боюсь, что ваши ужасные дороги не улучшили его качества.

И, перекатив бочонок с края телеги к себе на плечо, так чтобы он остался стоять на нем, Георгий легкими шагами направился к открытой двери в переднюю залу.

«Для человека нерослого он изумительно силен», – подумал Вульф, который шел за ним со свертком ковров.

Потом и остальные винные бочки доставили в каменный погреб под залой.

Оставив подле лошадей своего слугу – молчаливого и, по-видимому, глупого черноглазого малого по имени Петрос, – Георгий вошел в комнату и принялся распаковывать свои ковры и вышивки со всем искусством человека, воспитанного на базарах Каира, Дамаска или Никосии. Прекрасные вещи показывал он: вышивки, слепившие глаза, циновки со множеством оттенков, мягкие и блестящие, как мех выдры. Сэр Эндрью смотрел на них, и ему невольно вспоминались дни прошлого, и его лицо смягчилось.

– Я куплю этот ковер, – объявил он, – потому что, может быть, именно на нем я много лет тому назад лежал больной в доме Айюба в Дамаске. Нет, нет, я не буду торговаться, я куплю его.

И он задумался; старик вспомнил, как, лежа на таком ковре (и действительно, хотя он не знал этого, перед ним был тот самый ковер) и глядя сквозь резные рамы, он впервые увидел свою красавицу-жену, которая ходила по апельсиновому саду со старым Айюбом. И, вспоминая о своей молодости, рыцарь заговорил о Кипре; так время прошло до темноты.

Наконец Георгий сказал, что ему пора ехать, так как в Соусминстере его приказчик хотел отпраздновать Рождество. Купцу уплатили по счету – очень большому, – и пока запрягали лошадей, Георгий пробурлил бочонок вина и вставил в него втулку, так как, по его словам, был

---

³ Речь идет о крестоносцах, отвоевавших в 1099 г. Иерусалим у арабов. Особо ожесточенное сопротивление крестоносцам оказали защитники мечети аль-Акса, стоявшей в районе Соломонова храма.

уверен, что в этот вечер обитатели замка отведают светлого вина. Пожелав всем д'Арси счастья за их доброту и щедрость, он откланялся по-восточному и уехал вместе с Вульфом.

Через несколько минут раздались крики; Вульф вернулся, говоря, что колесо телеги сломалось при первом же обороте и теперь она лежала на боку во дворе. Сэр Эндрью и Годвин пошли посмотреть, в чем дело, и увидели Георгия, который так ломал руки, как на это способен только восточный купец, и сыпал проклятия на каком-то иностранном языке.

– Благородный рыцарь, – воскликнул он. – Что мне делать? Уже почти совсем стемнело! Как я проеду через этот крутой холм? Бесценные вышивки, мне кажется, должны остаться здесь на ночь, так как до завтрашнего утра колесо невозможно поправить...

– Да и вам тоже лучше остаться здесь, – ласково предложил ему сэр Эндрью. – Полно, полно, не печальтесь; тут у нас, в Эссексе, сломанные оси и колеса – дело обычное... Вы же и ваш слуга можете так же посидеть за рождественским столом здесь, как и в Соусминстере.

– Благодарю вас, сэр рыцарь, благодарю от души. Но могу ли я, простой купец, находиться в вашем благородном обществе? Позвольте мне с моим слугой Петросом пообедать с вашими слугами вот в этом сарае, где, как я вижу, они уже приготовили для себя стол.

– Ни за что, – возразил сэр Эндрью. – Пусть ваш слуга сядет с моими людьми, которые позаботятся о нем, вы же войдите в залу и, пока нам не подадут обедать, что будет очень скоро, поговорите со мной о Кипре. И не беспокойтесь о ваших товарах. Их отнесут в сохранное место.

– Хотя я чувствую себя недостойным, я повинуюсь вам, – почтительно произнес Георгий. – Петрос, ты понимаешь? Этот благородный господин принимает нас к себе на ночь. Его люди покажут тебе, где можно поесть и выспаться, и помогут позаботиться о лошадях.

Петрос, который, по словам купца, тоже был уроженцем Кипра и летом занимался рыбной ловлей, а зимой служил погонщиком мулов, низко поклонился и пристально взглянул на Георгия своими черными глазами, сказав ему несколько слов на непонятном языке.

– Слышите вы, что говорит этот глупый малый? – спросил Георгий. – Что? Вы не говорите по-гречески, а только по-арабски? Ну, он просит у меня денег, чтобы заплатить за обед и за ночлег. Простите его, ведь он простой крестьянин и не может себе представить, чтобы кто-либо мог дать даром ночлег и обед. Но я уверю этого невежу.

И, говоря на высоких нотах, он принялся объяснять что-то своему слуге, но никто, кроме Петроса, не понял его слов.

– Теперь, сэр рыцарь, не думаю, чтобы он посмел снова оскорбить вас таким образом. Ах, смотрите-ка, он уходит, он сердится, ну, оставим его. Он придет к обеду, этакая свинья! Сырость и ветер? В своей овчине киприот не боится ни того, ни другого, в ней он заснет хоть в снегу...

Все вернулись в замок; по дороге Георгий продолжал бранить глупость своего слуги. В зале разговор скоро перешел на другие предметы, между прочим, на различие между верованиями греческой и латинской церковей – вопрос, в котором купец, казалось, был весьма силен; заметил он также, что кипрские христиане очень опасались, как бы Салах ад-Дин не завоевал их остров.

Наконец часы показали пять, Георгия отвели к умывальнику – простому каменному желобу, где он вымыл руки, а потом пригласили обедать, вернее ужинать, за столом, который стоял на помосте против входа в солар. Тут было шесть мест: для сэра Эндрью, его племянников, Розамунды, капеллана Метью, который по праздникам служил обедни в церкви, а ужинал в замке, и, наконец, для уроженца Кипра купца Георгия. Ниже помоста стоял другой стол, за которым уже собралось двенадцать гостей – главные арендаторы земель старого д'Арси и управляющие из других его имений. Обыкновенно слуги, охотники, свинопасы и другие служащие сидели за третьим столом, рядом с камином, но они непременно напивались хорошим пивом в праздничные дни, и хоть многие дамы не обращали на это внимания, Розамунда осо-

бенно ненавидела пьянство, а потому теперь их всех отправили пировать в сарай, который стоял во дворе.

Когда все уселись, капеллан прочел молитву, и начался пир. Кушанья были просты, но их подавали много. Прежде всего принесли приготовленную поваром на деревянном подносе большую треску, ее куски были розданы каждому по очереди, их раскладывали на ломти хлеба; ели рыбу ложками, которые лежали перед каждым. После рыбы принесли разного рода мясо на серебряных вертелах. Подавали кур, куропаток, уток, наконец, большого лебедя – арендаторы встретили его, постукивая ногами о пол, потом явились пирожные, а вместе с ними орехи и яблоки. Нижнему столу подали пиво. Но на помосте пили темное вино, купленное Вульфом, – его пили все, кроме сэра Эндрю и Розамунды; старый рыцарь воздерживался, боясь за свое здоровье; молодая девушка никогда не пила ничего, кроме воды, и ненавидела вино – это, вероятно, было у нее в крови от восточных предков.

Все развеселились. Гость оказался забавным малым; он рассказывал много историй о войне и любви. Даже сэр Эндрю, забыв тревоги и предчувствия, весело смеялся; Розамунда, которая казалась красивее, чем когда-нибудь, в своем покрывале, усеянном золотыми звездами, и в вышитой тунике, слегка улыбалась, немного рассеянно. Наконец пир подошел к концу. Вдруг, точно неожиданно вспомнив о чем-то, Георгий вскрикнул:

– А вино? Жидкая амбра с горы Троодос. Я и позабыл о нем. Благородный рыцарь, вы позволите мне разлить его?

– Конечно, милый купец, – ответил сэр Эндрю, – конечно, вы можете раскупорить ваше собственное вино!

Георгий поднялся, взял большой кувшин и серебряный жбан с боковой полки, на которой была расставлена нарядная посуда, подошел к маленькому бочонку, стоявшему в углу на козлах, наклонился над ним, вынул из него затычку и наполнил до краев то и другое. Потом он знаком подозвал к себе одного из управителей, сидевших за нижним столом, и приказал подать ему кожаный ковш, тоже стоявший на полке. Наполнив его вином, он передал его вместе с кувшином этому человеку, предложив ему выпить за здоровье его господина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.